

А. ФЕМИЗОВЪ

ОГОНЬКИ
ВЕРАНИЕ
1922

Всѣ права сохранены
за авторомъ

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

ВЪ ПОЛЪ БЛАКИТНОМЪ

Издательство «Огоньки»
Берлинъ
МСМХII

1

Типографія Куммеръ и Ко., Berlin C 2, Neue Promenade 6

ПОСВЯЩАЮ

С. П. РЕМИЗОВОЙ-ДОВГЕЛЛО

Прологъ

Въ Ватагинъ и черезъ Ватагино ходило много странниковъ — двѣ дороги лежало черезъ село: одна на Киевъ, другая на Черниговъ.

Странники ночевали у Ильменевыхъ.

Александръ Павловичъ велѣлъ всѣхъ принимать: была такая комната въ домѣ, гдѣ стояли лавки и разбитые шкафы, — тутъ кормили и поили странниковъ, тутъ имъ и ночлегъ былъ.

По селу ходилъ юродивый Карлъ Карловичъ, страшный, весь будто въ щетинѣ, — Оля его боялась: Карлъ Карловичъ что-то говорилъ про Олю, но понять ничего нельзя было, а ея брата Мишу не иначе называлъ, какъ «служителемъ Дворянской опеки», и смѣялся, длинно высовывая языкъ.

Шаталась еще Штунья — бродяжка; ее почему-то въ домѣ не пускали.

Передъ Пасхой Оля потихоньку давала ей кулича.

Штунья — на дурномъ счету: говорили, что бродяжка портитъ.

Наталья Ивановна, кормившая грудью Таню — младшую сестру Оли, проходя какъ-то по саду, замѣтила на дорожкѣ свертокъ, перевязанный ленточкой, подняла его, развернула, а тамъ на бумажкѣ — кровь. И на другой же день захворала: пять нарывовъ одинъ за другимъ появилось на груди.

Бумажка съ кровью, бросаемая «на примку» — сильная порча, и отъ нея много страдаютъ.

Должно быть, въ чёмъ-нибудь такомъ и подозрѣвали бродяжку Штунью.

Немало случалось на селѣ нечистыхъ дѣлъ и ватагинскій батюшка о. Евдокимъ то и дѣло на всходахъ и въ колошенье раскручивалъ крестомъ закрутки, отчего дохода получалось немало.

Не пускали въ домъ и глухонѣмого Микитку-змѣю, который, однако, всегда ухитрялся пробраться подъ окна: Микитка угрожающе мычалъ, показывая то на землю, то на грудь себѣ, то на небо.

Жутко было смотрѣть: такъ былъ онъ зловѣщъ и ужасенъ.

Какъ-то въ дождь прогнали его со двора. А онъ все не уходитъ, стоитъ у забора, воетъ.

Страхъ охватилъ Олю, ей почудилось: непремѣнно сдѣлаетъ онъ имъ недобroe и вотъ теперь же, когда такъ воетъ, показывая на землю, на грудь и на небо.

Несмотря на дождь, Оля вышла изъ дому и дала нѣмому пятнадцать копѣекъ, — нѣмой отошелъ.

— Куда это ты ходила? — строго спросила Наталья Ивановна.

— Я такъ, погулять, — отвѣтила Оля, и хотя платьице было мокро и ноги промокли, Оля такъ это сказала и такъ смотрѣла, что Наталья Ивановна даже не побранила.

Кромѣ Штунни и глухонѣмого Микитки всѣхъ пускали.

Всего только разъ отказалъ Александръ Павловичъ какому-то нищему, и случилось это въ Рождество Богородицы — въ храмовой ватагинскій праздникъ.

Памятенъ этотъ день Оль.

Послѣ обѣда Оля съ Мишой сидѣли подъ скороспѣлкой и упало яблоко. Оля обрадовалась, подхватила яблоко и бѣжать въ дому съ диковинкой: скороспѣлки снимають въ юнѣ, а въ сентябрѣ это

большая рѣдкость. Но по пути вырвалъ Миша изъ рукъ Оли яблоко и сталъ всѣмъ хвастать, что вотъ онъ нашелъ какую невидаль! И какъ Оля ни увѣряла, что это она первая замѣтила и первая ухватила яблоко, Олѣ никто не повѣрилъ, — Мишѣ всѣ вѣрили.

По лѣтнему подымалась гроза, сильно темнѣло и было тихо, какъ только бываетъ тихо передъ сильной грозой, и вотъ пришелъ нищій: просится пустить въ домъ! — и ему отказали.

Разразилась гроза.

Оля грозы не боялась и только, подчиняясь матери, должна была всякий разъ хорониться на кровати, закутанная съ головой въ шелковыя платья, но въ эту грозу ей было одиноко и душно.

Александръ Павловичъ долго не могъ успокоиться, очень убивался, что не пустилъ нищаго, — отказалъ человѣку въ грозу и дождь.

Оля и сама жалостливая — желанная, какъ называли ее ватагинскія бабы: не зная, какъ помочь старухѣ Митрихѣ — про Митриху услышала она отъ нянѣки Фатевны — брала Оля изъ шкафа макароны и носила старухѣ, чтобы та себѣ супъ макаронный дѣлала.

Странники и богомольцы съ каждымъ годомъ все чаще посѣщали домъ Ильменевыхъ. Бывали хорошие — хорошо рассказывали, свѣтло, пѣли заунывные стихи; свѣтъ и тишина входили съ ними въ домъ. Но бывали странные, раскосые — страшно становилось, когда переступали они порогъ стараго дома.

Какъ-то въ ворота постучала монашка.

Провели монашку въ домъ: ночевать просится.

Взглянула Наталья Ивановна, и что-то сразу поднялось у нея — не понравилась ей, не хочетъ пускать монашку.

Александръ Павловичъ встутился:

— Какъ, не пустить? Нельзя: на богомолье идетъ. Такъ и пусгили.

Когда отдали монашкѣ самоваръ, чтобы ей на ночь чаю напиться, Оля забѣжала въ странную комнату да скорѣе назадъ.

— Мама, это мужчина!

Наталья Ивановна заперлась съ дѣтьми въ дѣтской и не спала цѣлую ночь.

— Засни, дѣточка!

— Нѣть, тамъ монашка ходить! — не спала и Оля.

Не спала и монашка — всю ночь проходила по комнатѣ — и чуть свѣтъ ушла.

— Недоброе замыслила эта монашка, — говорила послѣ Наталья Ивановна, — посмотрите, какъ ребенокъ испугался!

Александръ Павловичъ самъ задумалъ пройти на богомолье.

Когда ему было девятнадцать лѣтъ, былъ онъ сильно боленъ, выздоровѣлъ и далъ обѣщаніе, — теперь рѣшилъ исполнить обѣтъ.

Съ нянькой Фатевной, не разъ ходившей по святымъ мѣстамъ, да съ ватагинскими и меженинскими стариками и старухами отправился онъ пѣшкомъ въ Киевъ.

Александръ Павловичъ — худой, высокий, борода длинная бѣлая, а глаза синіе пристальные и, когда улыбается, сразу Олѣ дѣлается весело.

Все время проводить онъ у себя — кабинетъ его рядомъ съ комнатой бабушки Анны Михайловны, его матери, — или читаетъ книги старыя въ кожаныхъ переплетахъ или пишетъ или молится. Иногда же поздно вечеромъ выходить онъ въ залъ и тамъ сидѣть одинъ въ темнотѣ. Нигдѣ не бываетъ, ходилъ одно время въ церковь, потомъ пересталъ и въ церковь ходить.

А еще недавно въ Ватагино къ Ильменевымъ съѣзжалось много гостей и до утра сиживали за картами, — больше не раскрывались ломберные столики.

И только когда дѣти играютъ въ короли или въ рамсы, въ особенности въ рамсы, Александръ Павловичъ, если случится ему проходить, всегда остановится и примется помогать, и тотъ ужъ непремѣнно выиграетъ.

Оля любила, когда онъ помогалъ ей, — Оля страсть любить въ карты играть, — но, если не поплутовать, всегда остается въ дуракахъ, а съ вѣрной рукой спокойно — король! — и плутовать не надо.

А какой былъ Александръ Павловичъ когда-то веселый!

Сосѣдка Ильменевыхъ — старая Боровая рассказывала, какъ пріѣзжалъ онъ изъ полка, какие привозилъ всѣмъ подарки: своей младшей сестрѣ Надеждѣ, бывало, привезетъ двѣнадцать паръ разноцвѣтныхъ ботинокъ! А зимой какъ заложить, бывало, огромныя сани, собереть всѣхъ сосѣдей и кататься, — съ нимъ не соскучишься. А какъ шутиль! И такъ хорошо пѣть и такъ рассказывалъ, пѣтуха прослушаешь.

И еще рассказывала Боровая, какъ Наталья Ивановна влюбилась въ Александра Павловича.

Были они въ гостяхъ въ Ватагинѣ: Боровая, сестра Александра Павловича Надежда Павловна и Александръ Павловичъ женихомъ.

«И какъ возвращаться въ Ватагино, Наталья Ивановна такъ долго прощалась съ Александромъ Павловичемъ, что и метели не было — метель поднялась: едва доѣхали, сбились съ дороги».

Марья Петровна Вольская — двоюродная сестра Натальи Ивановны, по-часту гостившая въ Ватагинѣ, не разъ вспоминала, какъ на балахъ весь вечеръ, сидить Александръ Павловичъ въ карты играетъ, но лишь заиграютъ мазурку, карты на столъ, — въ залъ.

— За Александра Павловича, — говорила, захлебываясь, Марья Петровна, — барышни дрались! Какъ заиграютъ мазурку, такъ сердце и замреть: хоть бы подошелъ Александръ Павловичъ!

А въ годы своего предводительства какіе рѣдкіе устраивалъ онъ празднства и балы!

Старый съ бѣлыми башнями Ильменевскій домъ бывалъ иллюминованъ — на прудахъ подвижные острова и плавучіе вензеля, въ саду освѣщенныя аллеи, фейерверки, ракеты, музыка.

«Гости, сѣзжавшіеся съ трехъ губерній, — такъ вспоминалось, — то танцевали, то выходили на балконъ любоваться великолѣпной картиной, и тутъ же на балконѣ музыканты и пѣвцы восхищали гостей музыкой и пѣніемъ.»

На долгіе годы оставались воспоминанія объ Ильменевскихъ балахъ.

«Говорили, что самъ хозяинъ приготовлялся къ нимъ цѣлый мѣсяцъ, а дамы шили туалеты за два мѣсяца, и можно вообразить себѣ, какъ нарядны, свѣжі и изящны были костюмы!»

Изъ всего, что занимало прежде, оставались однѣ лошади.

Александръ Павловичъ любилъ лошадей: никогда кнутомъ не ударить, а лошади его слушаютъ, — съ ними онъ какъ-то особенно разговаривалъ и заступался.

Оля всегда просить покатать ее, — хорошо, никогда лошади не несутъ, а такъ мчатся, духъ захватываетъ! — и Александръ Павловичъ бралъ ее съ собой и на поле и въ Меженинку къ любимой башкѣ Татьянѣ Алексѣевнѣ.

Александръ Павловичъ рѣдко бывалъ съ дѣтьми.

Играютъ дѣти, выйдеть, сядеть въ кресло и начнеть рукой ловить — тѣ визжать, бѣгаютъ, не даются — и все-таки, и не вставая, онъ всѣхъ переловить.

И почему-то бывало такъ весело, лучше всякой игры.

Оля во всемъ за одно съ Мишей: цѣлыми днями вмѣстѣ въ саду, — въ путешественниковъ играютъ, строять подъ сливой будки изъ досокъ. И только въ одномъ нѣтъ согласія: Оля ходить къ отцу въ кабинетъ, а Миша никогда.

А какъ онъ радъ, когда прибѣгаешьъ Оля!

Погладить ее по головкѣ:

— Котикъ мой!

И никто такъ не называетъ — никто такъ не ласкалъ Олю — такихъ не говорить словъ:

«Котикъ мой!»

Оля присядеть къ нему на ручку кресла, а онъ, поддѣвая себѣ ногтемъ большого пальца ноготь другого пальца — такая у Александра Павловича была привычка — такъ хорошо говорить, никто такъ не говорилъ съ Олей.

Рассказывалъ онъ Оль о Христѣ, какъ Христосъ приходилъ на землю, и училъ Олю любить Христа и любить людей.

— И Христосъ тебя будешь любить и ты будешь счастливой!

А когда Оля передала, какъ нянька Фатевна говорила ей, что Оля не простая, а генеральская дочка, Александръ Павловичъ строго замѣтилъ, что этимъ Оля не должна гордиться.

— Если спросяешь, чья ты дочь, должна отвѣтить просто: дочь честнаго человѣка.

И еще говорилъ онъ Оль, что неважно, кто въ мірѣ считается первымъ и кто послѣднимъ.

— Важно, кто у Бога первый.

Иногда Оля заставала отца съ бабушкой Анной Михайловной за молитвой: а они оставляли ее, ставили съ собой и Оля тоже молилась.

Было одно, чего никакъ не могъ выносить Александръ Павловичъ — деньги. И всякий разъ, когда рѣчь заходила о деньгахъ, онъ мѣнялся весь, вставалъ и уходилъ.

Однажды, получивъ очень крупную сумму — рассказывали, что это какія-то деньги, которыя дав-

нымъ давно слѣдовало ему получить за крестьянскую землю, — онъ вернулся изъ города, положилъ эти деньги на столъ и упалъ.

3

Богатъ Ильменевскій домъ, бѣлыми башнями глядитъ онъ за просторныя поля въ широкую степь, пышно дѣдовское убранство — почернѣвшее серебро и тусклое золото, дорогой бархать и безшумные рытые ковры, поблѣдѣвшіе амуры и цвѣты на потолкѣ, тяжелыя люстры, зеркала, старые портреты въ гостиной, въ диванныхъ, въ портретной — крѣпки стѣны и земля подъ ними крѣпка — насиженое мѣсто, а узорные бронзовыя часы на каминѣ, не уставая, воть ужъ вѣка, отбиваются звонко минуты.

— Въ домѣ мира нѣть, погибнетъ домъ! — нерѣдко говорилъ Александръ Павловичъ.

Какъ-то ночью, когда разговоръ между отцомъ и матерью сдѣлался громче обыкновенного, Оля выскочила на балконъ и хотѣла крикнуть: «Люди добрые, помогите!» — думая, что на голосъ ея придутъ и что-то сдѣлаютъ, отчего и уйдетъ это, наполняющее домъ тоской и тревогой. Но не крикнула, не позвала — сама не знаетъ, почему не позвала: или подсказало ей мудрое сердце, что никто, никакіе люди тутъ не помогутъ, — и тихонько вернулась въ дѣтскую.

— Въ домѣ мира нѣть, погибнетъ домъ! — повторялъ Александръ Павловичъ.

Вечеромъ, когда Александръ Павловичъ, проходя по столовой, гдѣ обыкновенно сидѣть дѣти, всѣхъ перекрестить и скажетъ «Христосъ съ вами» — это означало, что ужъ онъ больше не войдетъ въ комнаты, а будетъ читать у себя, молиться и пойдетъ спать.

— Спокойной ночи! — сказала Оля, и хотя она привыкла, что только одна она говорить, прощаясь

съ отцомъ, но въ этотъ разъ ей стало и грустно и одиноко.

Въ эту ночь Оля проснулась отъ шума.

Выбѣжала на крыльцо — на крыльцѣ сидѣла нянѣка Фатевна — сѣла возлѣ Фатевны.

Нянѣка разсказала, что Александръ Павловичъ, внезапно заболѣлъ, и хотѣли послать за докторомъ, но онъ не позволилъ:

«Если Богъ поможетъ, хорошо, а доктора все равно не могутъ помочь.»

— Замѣтила я давно, Олюшка, какъ кротъ землю роетъ!

И старуха замолкла.

А Оля сидѣла и дрожала.

Когда въ домѣ поугомонилось и Фатевна отвела Олю въ дѣтскую, Александру Павловичу стало ужъ легче.

— Видите, Наталья Ивановна, я такъ и знала, что это одно представлѣніе! — услышала Оля, лежа въ кроваткѣ: это тетка Марья Петровна, гостившая въ Батагинѣ.

И Оль захотѣлось сейчасъ же встать и крикнуть на весь домъ, сейчасъ же, и чтобы всѣ слышали:

«Неправда! не можетъ представляться, никогда онъ не представляется!»

И не крикнула — не рѣшилась; и почему не рѣшилась? — или подсказалъ ей кто — какое мудрое сердце? — что этимъ не поможешь.

Александръ Павловичъ, прохворавшій съ недѣлю, совсѣмъ ужъ рѣдко выходилъ въ комнаты, сидѣлъ одинъ у себя, — и вечерами въ кабинетѣ не зажигался свѣтъ.

«Въ домѣ мира нѣть, погибнуть домъ!» — вспоминалось Оль и вдругъ она начинала дрожать, какъ тогда ночью, сидя въ одной рубашечкѣ съ Фатевной на крыльцѣ.

Въ Ватагино пріѣхала бабушка Татьяна Алексѣевна — мать Натальи Ивановны. И хотя часто она пріѣзжала въ Ватагино и дѣти по-долгу гостили у ней въ Меженинкѣ, пріѣздъ ея — всегда цѣлое событие.

Татьяна Алексѣевна — бабушка любимая.

Наталья Ивановна постоянно говорить дѣтямъ:
— Бабушку любите!

А Оль говорить особенно:

— Тебя бабушка больше всѣхъ любить.

И дѣйствительно, Оля у нея любимица: бабушка все ей позволяетъ и только любуется, какихъ бы проказъ ни напроказила и какихъ бы чудесъ ни натворила любимая краснощекая сѣрглазая внучка, и заступается, если Наталья Ивановна за что-нибудь сердится на нее.

За то и Оля, какъ уѣзжать бабушкѣ домой въ Меженинку, подымаетъ ревъ на весь домъ.

И бабушка, чтобы Оля не плакала, даетъ ей для забавы двугривенный и много двугривенныхъ — безъ конца! — передастъ въ крохотную ручку Оли, пока не уѣдетъ и чаще просто обманомъ.

Съ пріѣздомъ любимой бабушки все словно мѣнялось — и день становился краше и ночь будто звѣзднѣе.

Съ утра до вечера не отходили дѣти отъ бабушки, а Оля особенно.

Александръ Павловичъ, выйдя въ столовую къ чаю, сказалъ, что онъ только что въ гостиной чорта видѣлъ —

— Чорта.

Татьяна Алексѣевна поджала губы — она всегда такъ поджимала губы, когда сердилась.

— Вамъ все черти представляются. Отчего я никогда чорта не видѣла!

— Оттого, что онъ въасъ всегда за ность водить, нечего вамъ ему и представляться, — отвѣтилъ Александръ Павловичъ.

— Лошадей! — закричала вдругъ, разсердившись, бабушка.

И ужъ какъ ни просила Наталья Ивановна, какъ ни ревѣла Оля, не послушала, собралась и тотчасъ уѣхала, погрозивъ, что больше ноги ея не будетъ въ Ватагинѣ.

И безъ того немирно, жутко стало въ старомъ Ильменевскомъ домѣ.

Все затаилось, словно у всѣхъ голосъ пропалъ, и только узорные бронзовые часы на каминѣ по прежнему, не уставая, какъ ужъ вѣка, звонко выбивали минуты.

Оля, забившись въ уголъ, пѣлыми вечерами пла-кала.

Горьки были и тяжки слезы: ей жалко было любимую бабушку и мать и отца. И жалѣя, какъ-то по своему сердцемъ чувствовала, что никто не виновенъ: ни бабушка, ни мать, ни отецъ.

«Бабушка — она такая — любимая, мама — ихъ, дѣтей, больше всего любить и больше ей ничего не надо, папа — любить ихъ, но что-то и еще любить» —

А чего, и представить она себѣ не можетъ.

Горьки и тяжки были слезы — ничѣмъ не поможешь и помочь нельзя.

— Разрушится домъ, въ которомъ мира нѣть! — повторяла, каркая, нянѣка Фатевна, бродя въ по-темкахъ.

И отъ словъ старой сѣдой нянѣки, вынянѣчившей всѣхъ дѣтей и самого Александра Павловича, отъ карка ея и шопота нестерпимо становилось: слезы на глазахъ высыхали, словно сгорая, а оттого еще болѣнѣе было.

Александръ Павловичъ ъездилъ въ Меженинку и привезъ бабушку — простила его бабушка.

Одинъ, затворившись, проводилъ онъ ночи и дни у себя.

Только по-прежнему одна Оля прибѣгала къ нему.

И какъ онъ радъ, когда прибѣжитъ Оля.

— Котикъ мой! — скажетъ ей тихо и ласково и ласкаетъ, никто такъ не ласкаетъ ее, и не называлъ такъ:

«Котикъ мой!»

И вотъ среди различныхъ словъ и толковъ Оля однажды услышала непонятное ей странное слово, сказанное про отца:

— Сумасшедшій.

Много думала Оля надъ непонятнымъ и страннымъ словомъ и изъ прошлого смутнаго встали передъ ней дни, никогда не забываемые.

Три года назадъ — Оля была еще совсѣмъ маленькая: трехлѣтка — осенью. Натальи Ивановны въ Ватагинѣ не было: отвозила Ирину въ Кіевъ въ институтъ. Дома оставалась съ дѣтьми любимая бабушка. Андрюшка, внукъ Митрихи, цѣлый день каталъ Олю и Мишу на тачкѣ по двору, — очень было весело. На ночь бабушка легла съ дѣтьми въ дѣтской и, передъ тѣмъ, какъ ложиться, почему-то заперла дверь на крючекъ и еще заставила дверь столомъ и стульями. А среди ночи вдругъ разбудили дѣтей, одѣли и тихонько перевели изъ дома во флигель, — въ концѣ сада. На утро бабушка строго запретила бѣгать въ домъ. Но Оля не послушала и побѣжала.

Заложивъ руки за спину, Александръ Павловичъ ходилъ по залу и что-то говорилъ громко, а у камина подъ часами сидѣлъ какой-то черный господинъ неизвѣстный.

Александръ Павловичъ обрадовался Олъ.

— Здѣсь Богъ! — сказалъ онъ, подавая Олъ маленькой, наполненный водой хрустальный пузырекъ изъ-подъ духовъ.

Оля взяла пузырекъ: очень онъ ей понравился

— маленький граненый съ длиннымъ горлышкомъ.

— Ты знаешь, какъ надо креститься? — Не только такъ — но и такъ!

И, сдѣлавъ крестъ на груди и, перекрестивъ себѣ спину, Александръ Павловичъ вдругъ пристально взглянуль на Олю и, пораженный, воскликнулъ:

— Ты Иванъ Воинъ!

Туть горничная Неонила увела Олю.

Оля слышала потомъ, рассказывали, что Александръ Павловичъ свою мать — бабушку Анну Михайловну съ крыльца толкнулъ и также толкнулъ нянью съ Леной — Лена еще на рукахъ была, а старую нянью Фатевну вѣникомъ выгналъ.

Къ обѣду вернулась Наталья Ивановна и дѣтей перевезли къ сосѣдямъ Луничевымъ: съ дѣтьми и она поѣхала.

У Луничевыхъ рассказывали, что Александръ Павловичъ бѣгаетъ по двору и на колодецъ становится.

Вечеромъ къ Луничевымъ пришелъ о. Евдокимъ.

Наталья Ивановна плакала.

— Батюшка, — просила она, — посмотрите, какъ будутъ связывать Александра Павловича: чтобы не очень крѣпко!

О. Евдокимъ крестилъ ее и повторялъ, чтобы она не беспокоилась.

На слѣдующій день, когда вернулись домой, и вошли въ комнаты — въ комнатахъ все было перевернуто: вся мебель поломана, стекла выбиты, а по полу валялись большія бутылки изъ-подъ деревяннаго масла да золотыя пуговицы отъ мундира.

Наталья Ивановна весь вечеръ плакала.

А Олю занимали красныя тарелочки — привезла

ей Наталья Ивановна въ подарокъ изъ Кієва, да тотъ пузырекъ изъ-подъ духовъ: маленький граненый съ длиннымъ горлышкомъ.

Въ Ватагинѣ осталась жить любимая бабушка.

Ужъ въ концѣ осени Наталья Ивановна взяла Мишу и Олю и повезла въ губернскій городъ Поки-дошъ, за семьдесятъ пять верстъ отъ Ватагина:

— Папа васъ хочетъ видѣть.

Въ городѣ въ квартирѣ доктора встрѣтилъ ихъ Александръ Павловичъ: онъ очень обрадовался, цѣ-ловалъ ихъ и плакалъ.

Зиму прожили одни.

Передъ Пасхой опять начались сборы.

— Поѣдемте за папой, привеземъ домой папу, — сказала Наталья Ивановна Мишъ и Оль.

А когда возвращались домой — Оля помнить — шелъ первый весенній дождь и было такъ весело!

И еще Оля помнить, какъ отецъ показывалъ раны на рукахъ и ногахъ отъ веревокъ, которыми связывали его, и говорилъ, что онъ радъ этому —

— Потому что у Христа были раны.

На первый день Пасхи Александръ Павловичъ пошелъ на село къ тѣмъ мужикамъ, которые его связывали, хотѣть похристосоваться, но мужики по-прятались: боялись.

Первое время и Оля боялась: нянька Фатевна рассказывала, какъ Александръ Павловичъ скамейку сломалъ, когда его связывали.

Такъ одинъ за другимъ проносились передъ Олей смутные дни, незабываемые и, вспоминая ихъ и думая надъ непонятнымъ и страннымъ словомъ «сумасшедшій», Оля какъ-то по своему сердцемъ почувствовала, что это очень страшно и — очень хорошо, что отецъ не такой, какъ всѣ —

«Такого нѣть больше!»

Всякий день бабушкъ Аннъ Михайловнъ зайчикъ конфеты носить, а бабушка ихъ Олъ отдаетъ.

Только такой строгій зайчикъ: хоть бы разъ принесъ конфетъ до обѣда! И сколько разъ по утрамъ забѣгала Оля въ бабушкину комнату справиться, не приходилъ ли зайчикъ и всегда былъ одинъ отвѣтъ:

— Нѣтъ еще.

А какъ кончить Оля обѣдать, побѣжитъ къ бабушкѣ, а бабушка прямо ей въ ручку конфетъ: былъ, значитъ, зайчикъ.

Сама Оля этого зайчика никогда не видала, а только отъ бабушки слышала и не сомнѣвается, что зайчикъ ходить и носить конфеты — еще бы: всякий день конфеты есть и не только послѣ обѣда, но и по вечерамъ.

Бабушка Анна Михайловна старая, изъ комнаты не выходитъ, — сидѣть у себя на постели: ноги у нея больныя. Оля это знать и всегда осторожна: никогда бабушку за ноги не тронеть.

Въ комнатѣ у бабушки жарко, такъ жарко, какъ въ банѣ.

Бабушка въ бѣломъ чепчикѣ, сама маленькая, а надъ кроватью висить портретъ, когда бабушка была молодая — тамъ она румяная и большая и шаль на

ней красивая, вся въ цвѣточкахъ. И не вѣрится, что и на портретѣ и на кровати бабушка.

Но Оля вѣрить, — бабушка ей объяснила: тамъ, на портретѣ, она была «мама» и была большая и румяная, а теперь она «бабушка» и стала маленькая и старая.

Бабушка цѣлыми днями молится, а вечерами разсказываетъ Оль сказки про сѣраго волка и про лисицу и про лягушку-турлушки, какъ лягушка пѣсни поетъ. И еще разсказываетъ бабушка, какъ Оля была маленькая и что она тогда дѣлала: какъ въ девять мѣсяцевъ Оля ножками ходить начала и очень рано проситься стала; какъ раздѣвали Олю и пускали голышкомъ по комнатѣ бѣгать — все тѣльце было словно перевязанное, все въ перевязочкахъ; какъ Оля хорошо цѣловалась и какъ хорошо плевалась — дядя Алексѣй Ивановичъ за каждый поцѣлуй и за каждый плевокъ по золотому дариль.

Рассказывала бабушка и обѣ отцѣ Оли — Александрѣ Павловичѣ, какъ онъ былъ маленький, какъ учился, какъ поступилъ въ полкъ принца Карла Прусскаго и на войну пошелъ, и какъ было тогда землетрясеніе и лампадка передъ образами тряслась.

И о прадѣдушкѣ Оли — Петрѣ Михайловичѣ: большой силы и отваги былъ —

«Бѣшенаго волка разорвалъ, вотъ какой!»

И о дѣдушкѣ — своеемъ мужѣ Павлѣ Петровичѣ: какой онъ строгій былъ —

«Какъ емуѣ хать, бывало, въ городъ на службу, всякий разъ требуетъ, бывало, чтобы къ его возвращенію на столѣ тарелка съ супомъ стояла, — и бѣда, если супа нѣть или не горячъ супъ!»

И какъ для безопаснаги отъ дома до города на пятнадцать верстъ верховыхъ ставили и какъ потомъ Павелъ Петровичъ вдругъ разстроился мыслями.

— И горе, — вспоминаетъ бабушка, — несчастная болѣзнь его была непостижима. Всегда печа-

лень, задумчивъ, не любить ни съ кѣмъ ничего говорить, нигдѣ бывать, никого къ себѣ не принималь, и всегда и всѣмъ, бывало, говорить, что для него нѣть ничего милаго и занимательнаго и что для него жизнь несносна. Его всякая малость беспокоила и тревожила, очень мало спаль, но никакой боли не чувствовалъ, никакой слабости и всегда и всѣмъ, бывало, говорить, что здоровъ. И доктора отказались пользовать, сказали, что его время вы пользуетъ: у его болѣзнь и скорбь душевная, которой использовать имъ не можно.

И еще разсказываетъ бабушка, какъ страшно умеръ дѣдушка Павелъ Петровичъ — зарѣзался! — и тогда отъ ужаса она шесть недѣль проспала и проснулась оттого, что дочь ея Лизочка ее ручками тронула. Лизочка тоже умерла и остался у нея одинъ «папа», а потомъ появилась Оля:

«Олю лебедь принесъ, постучалъ въ окно крылышкомъ и положилъ подъ часы у каминя».

— Это было въ іюлѣ мѣсяцѣ на восходѣ солнца четвертаго дня въ день святого Андрея Критскаго и явленія Пресвятыя Богородицы, яже въ Пергіи.

Бабушка четырнадцати лѣтъ замужъ вышла и было у бабушки четырнадцать дѣтей, а въ приданое бабушкѣ дали четырнадцать кованыхъ устюжскихъ сундуковъ съ добромъ.

— Званіе всѣхъ вещей не перечислишь, — любила рассказывать бабушка, — пальцевъ для счета не хватить: ну, —

иконъ двѣ — одна Спасителя, а другая Богородична съ шатами,

денегъ три сундука,

дукатъ серебряный вызолоченый,

ложекъ серебряныхъ столовыхъ и чайныхъ по три дюжины,

подносовъ серебряныхъ дюжина,

на подносахъ по семи чарокъ: шесть вызолоченныхыхъ, а одна нѣть,

кольцо золотое,
три блюда,
три чашки съ крышкой,
шуба лисичая крытая гарнитуромъ капуци-
новымъ,
сподница гарнитуровая,
кофта атласная,
халатъ гарнитуровый капуциноваго цвѣту,
сподница съ кофтой волнистой тафты,
сподница дрезетовая вишневая,
шуба заячья крытая красною кафой,
кунтушъ суконный вишневаго цвѣту,
другой суконный голубого цвѣту,
шуба баранковая крытая вишневымъ сук-
номъ,
шубенка баранковая крытая голубымъ сук-
номъ,
халатъ камлотный зеленаго цвѣту,
другой красный камлотный,
кофта и сподница репишовыя зеленыя,
сподница венецкой каламанки,
полуштаметовыхъ двѣ,
полотняныхъ двѣ,
запаска полутобейковая одна,
и тафтяная бѣлая одна,
кофта байковая сѣрая,
кофта байковая вишневая съ мушками,
кофта красной кафы,
платокъ шелковый бытевой бѣлый полу-
сатый,
другой гарнитуровый,
третій штофной красный,
четвертый тафтяной алый,
пятый тафтяной зеленый,
бумажныхъ приношенныхъ два,
корсетовъ тафтяныхъ два,
три сундука скатертей тканыхъ взоромъ и за-
полочью,

ручники шитые заполочью,
хустки тканыя,
платки бѣлые,
фартуки,
рубашекъ женскихъ тридцать двѣ,
мужскихъ восемь,
три сундука полотна кужольнаго и конопля-
наго,
запона,
наволочки большія,
маленькия наволочки,
простины полотняныя,
одна простины шитая заполочью,
намитки,
килимы,
коверъ,

а въ четырнадцатомъ и послѣднемъ сундукъ:

ковдра набойчатая,
плахоть закладанныхъ съ шелкомъ двадцать
двѣ,
да еще плахоть шесть,
запосокъ филяшевыхъ десять,
перина,
подушекъ двѣ большихъ,
меньшихъ двѣ,
еще меньшихъ двѣ,
намиста краснаго десять низокъ
и десять жемчужнаго,
запасокъ валеныхъ три,
поясь краяковый,
основа пляная,
клубковъ девять,
рушниковъ сыровыхъ семь,
четырнадцать дойныхъ коровъ съ назим-
комъ

Слушаетъ Оля, мимо ушей слова не проронить, — и раскрывается передъ ней сундукъ за сундукомъ верхъ добра, а послѣдній и четырнадцатый съ коровами.

— Пошли доить, — вспоминаетъ бабушка, — а вмѣсто молока кровь. А какъ стали искать, вѣдьму на топчакѣ и поймали съ длинными волосами въ бѣлой рубахѣ, совсѣмъ дѣвчонка.

Иногда бабушка береть рѣзную шкатулку и показываетъ Олѣ драгоцѣнности.

Олѣ больше всего нравится золотая кольцами цѣпь съ изумрудами, но еще больше — такъ сей-часъ на шею себѣ и надѣла бы! — золотой медаль-сердцемъ съ картинкой: два страшныхъ льва рази-нули пасти, а изъ пасти пламя.

И каждый разъ Оля просить отдать ей и цѣпь съ изумрудами и медальонъ со страшными львами.

Но бабушка драгоцѣнности кладеть обратно въ шкатулку.

— Когда выростешь большая, — говорить ба-бушка, — папа тебѣ все отдастъ, все будетъ твое. Пуще глаза береги медальонъ, другого такого нѣть, фамильный Ильменевскій съ папинымъ гербомъ: голова львова, сѣра-космата, съ огненной пастью въ полѣ блакитномъ.

— Голова львова, сѣра-космата, съ огненной па-стью въ полѣ блакитномъ, — повторяетъ каждый разъ Оля.

Какъ-то у бабушки зубъ выпалъ.

— Положи этотъ зубъ въ ящикъ, что подъ обра-зами, — сказала бабушка Олѣ.

А Олѣ захотѣлось поиграть съ зубомъ, стала она его на рукахъ перебрасывать и вѣртѣть, какъ куба-рикъ.

— Зубъ мнѣ надо будетъ въ гробъ положить, — остановила бабушка, — когда воскресну, чтобы не-долго по землѣ ползать — свои кости собирать. Все вмѣстѣ должно быть.

Вечерами Наталья Ивановна часто играетъ на фортепіанѣ, и такъ хорошо играетъ: Оля не пошевельнется, слушаетъ. А когда кончить играть, подходитъ къ фортепіану Оля, натащить себѣ цѣлую гору нотъ на стуль, усядется и давай сама наигрывать.

— Оля у насъ будеть музыкантшой! — говорить про Олю Наталья Ивановна.

Послѣ обѣда по обыкновенію Оля запла къ бабушкѣ спросить о зайчикѣ, но бабушка ничего не отвѣтила и конфетъ не дала. Оля поняла, что бабушка нездорова, и не стала надоѣдать.

И вечеромъ не пошла она къ бабушкѣ спросить о зайчикѣ, а сѣла за фортепіано подбирать пальчиками ноты и такъ занялась, что даже и о зайчикѣ забыла.

И вдругъ на порогѣ въ залу появилась бабушка —

Бабушка подползла къ двери и сказала такимъ тихимъ глухимъ голосомъ, что у Оли пальчики вздрогнули:

— Оля, позови папу!

Долго и послѣ Оля боялась этой двери, изъ которой выползла бабушка.

А какъ тогда ей страшно было! какъ замирало и тукало сердце!

Наканунѣ возили дѣтей на вечеръ къ сосѣдямъ Луничевымъ — у Луничевыхъ всякий годъ на Петра и Павла устраивали вечеръ, справляли и рожденье и именины сыновей-близнецовыхъ Петра и Павла, — наканунѣ Оля поздно легла, а въ эту ночь не могла заснуть.

Ей все мерещилось: то будто дѣдушка Павель Петровичъ такой, какъ на портретѣ, въ красномъ мундирѣ, съ ножомъ ходить, то будто вѣдьма съ длинными волосами въ бѣлой рубахѣ совсѣмъ дѣв-

чонка прибѣжала на дворъ и на топчакѣ руками что-то дѣлаеть, то будто сундукъ, а изъ сундука четырнадцать дойныхъ коровъ — рога высунули, то промелькнетъ зайчикъ съ конфетами, а за зайчикомъ голова львова, съра-космата, съ огненной пастью въ полѣ блакитномъ, и опять, какъ вечеромъ, подползаетъ къ двери бабушка и говорить тихимъ глухимъ голосомъ:

«Оля, позови папу».

И сонъ ей нехорошій приснился.

Ей приснилось, будто весной идеть она по саду къ пруду, а въ высокой травѣ въ очеретѣ мужикъ стоитъ — коса на плечѣ, лохматый, одинъ глазъ съ бѣльмомъ. И показалось Олѣ, что вотъ сейчасъ бросится изъ травы на нее мужикъ съ косой — —

Тутъ она и проснулась отъ страха.

И послѣ едва ужъ заснула: все боялась — все ей казался лохматый мужикъ, коса на плечѣ, глазъ съ бѣльмомъ.

А чуть только утро забрезжило, отецъ разбудилъ Олю и повель въ комнату къ бабушкѣ. Тамъ ужъ была Ирина и Лена и Миша и еще былъ ватагинскій батюшкa о. Евдокимъ съ дѣячкомъ.

Бабушка сидѣла на постели бѣлая, вся въ бѣломъ, держала въ рукахъ свѣчку.

— Попѣлуй, Оля, руку у бабушки! — сказалъ отецъ.

Бабушка дрожащей рукой перекрестила Олю.

Александръ Павловичъ сѣлъ на кровать рядомъ съ бабушкой и, поддерживая свѣчку въ рукѣ ея, сказалъ:

— Въ руки Твои, Господи, передаю духъ мой!

Среди дня, когда дѣти играли въ любимую игру — лѣпили изъ песку пасочки, позвали ихъ изъ сада и повели въ залу —

— Поклониться бабушкѣ, которая померла.

Вся въ бѣломъ лежала бабушка на столѣ наискость отъ камина съ бронзовыми узорными часами противъ чудотворной Ильменевской Божьей Матери: въ рукахъ — крестъ, а лицо кисеей закрыто.

Мухи садились на руки и на лицо бабушки.

Нянька Фатевна отгоняла мухъ.

Весной, когда умерла младшая сестра Таня, Оля никакъ не могла понять и все спрашивала: какъ это такъ бабушка старая и живеть, а Таня маленькая и умерла?

«Но вотъ и за бабушкой, значитъ, пришелъ че-редъ, — рѣшаетъ Оля, — только лежить бабушка въ бѣломъ, а не въ голубомъ платьицѣ, какъ Таня, и нѣтъ на глазахъ пятаковъ, а у Тани пятаки клали!»

Золотой быстрый зайчикъ бѣгалъ по бабушкѣ, игралъ на крестѣ и по вѣнчику и только на закатѣ вдругъ ускакалъ на каминъ, юркнулъ въ узорные бронзовые часы и больше ужъ не показывался.

Нянька Фатевна положила бабушкѣ подъ голову всѣ зубы ея и поставила стаканъ съ водой въ головахъ у бабушки.

— Чтобы бабушкина душа купалась! — объяснила старая нянька Оль.

Оля не сводила глазъ со стакана — бульбульки подымались въ стаканѣ — и Оль представлялось: бабушкина душа купается —

«Ишь, ныряетъ въ стаканѣ!»

Много народа съѣхалось въ Ватагино, полнымъ полно въ Ильменевскихъ флигеляхъ, всѣ комнаты заняли.

Пріѣхала изъ Меженинки любимая бабушка Татьяна Алексѣевна, а изъ города дядя Алексѣй Ивановичъ — братъ Натальи Ивановны — докторъ, пріѣхали тетки — сестры Александра Павловича — Людмила Павловна и Надежда Павловна и сосѣди Боровые, Луничевы, Сахновскіе, Грачи и чудной

лубенецкій старишокъ Ксаверій Матв'євичъ съ Александриною Кенсориновной на своихъ на апостолахъ, какъ величаль чудакъ воловъ, и такие родственники и такие знакомые, которыхъ Оля съ роду не видывала и о которыхъ ничего не слышала.

И унесли бабушку въ церковь.

А какъ несли, всю дорогу звонили: звонъ такой — плачеть, а все бъ его слушалъ, такъ за сердце хватаетъ.

Поставили бабушку посреди церкви и ушли.

А церковь заперли.

Оля все беспокоилась и все просила, чтобы скорѣе бабушку въ могилу зарыли —

«А то бабушкѣ страшно одной ночевать въ пустой церкви».

На слѣдующій день хоронили бабушку.

Оля плакала: ей жалко было бабушку.

— Не плачь, Олюшка, — утѣшала нянька Фатевна, — увидишь ты бабушку обязательно, какъ сама помрешь, придетъ свой чередъ, и бабушка тебѣ обрадуется. А пока-что бабушка станетъ о тебѣ Богу молиться.

Оля успокаивалась и переставала плакать.

— Что же ты не плачешь? — замѣчала нянька Фатевна, — поплачь, Олюшка, обязательно! А то душа бабушкина увидитъ, что ты не плачешь, и подумаетъ, что тебѣ не жалко ея, и ей станетъ обидно.

И Оля много плакала, — старалась не развлекаться.

Похоронили бабушку рядомъ съ дѣдушкой возлѣ церкви — на цвинтарѣ тамъ, гдѣ много крестовъ — крестъ ко кресту — Ильменевскіе.

Не было и стола, на которомъ бабушка лежала бѣлая, вся въ бѣломъ. И бѣлымъ было закрыто зеркало надъ каминомъ.

Горѣла лампадка передъ чудотворной Ильменевской Божьей Матерью да узорные бронзовые часы на каминѣ ходили.

— Въ день смерти бабушки, — рассказывала нянька Фатевна, — приснился бабушкѣ сонъ, будто входить къ ней въ комнату дѣвочка — въ рукахъ бѣлый платочекъ; и знаетъ бабушка: пришла эта дѣвочка, чтобы въ бѣломъ платочекѣ унести ея душу.

— Каждый человѣкъ всякую минуту умереть можетъ, — сказалъ отецъ Олѣ.

И Олѣ страшно смерти —

«Придетъ чередь, придетъ дѣвочка — въ рукахъ бѣлый платочекъ: и всѣ комнаты, всѣ флигеля — весь домъ опустѣтъ».

Старая была бабушка Анна Михайловна, изъ комнаты не выходила, все сидѣла у себя на постели, а нянька Фатевна еще старше, хоть и ходитъ всякое лѣто пѣшкомъ на богоомолье.

Оля слушается няньку Фатевну: говорили, что Фатевна все знаетъ.

По субботамъ нянька Фатевна моетъ дѣтей въ ваннѣ.

Когда мыли голову Олѣ, что-нибудь непремѣнно разскажетъ: рассказывала нянька, что сама она шестьдесятъ ужъ лѣтъ головы не моетъ —

«Потому что не полагается мыть головы, когда замужъ выйдешь, — грѣхъ замужней женщинѣ хоть на одинъ часъ простоволосой оставаться».

И еще рассказывала, что живеть она такъ долго и еще проживеть много, потому что почитала своихъ родителей.

— А ты, Оля, — говорить нянька Фатевна, — такъ долго не будешь жить: мамы ты не слушаешься, все-то на мельницу бѣгаешь.

— Седьмой годъ живу на бѣломъ свѣтѣ! — возражаетъ Оля и, кулачками протирая замыленные глаза, говорить ужъ пресъкающимся голосомъ: — а зайчикъ, который бабушкѣ конфеты носилъ, тоже померъ?

Оля, если усядется на старую ильменевскую кушетку утѣшительную, ноги ея далеко не достають до края, такъ что и еще одному свободно помѣститься можно, такая она еще маленькая.

Куколь Оля не любить, а подарять ей куклу, отдастъ другимъ дѣтямъ, сама не играетъ.

Всю любовь ея забрали себѣ маленькія всякия вещицы, такія разныя чашечки маленькія, коробочки, боченочки, — и съ ними Оля играетъ, какъ въ куклы, прячеть, перекладываетъ, хранитъ.

Эти драгоцѣнности свои хранить Оля въ большой черной шкатулкѣ — любимая бабушка подарила! — въ шкатулку же складываетъ она и подарки! — коробки съ конфетами, ихъ у нея тихонько отбираютъ, и Оля не догадывается, не замѣчаетъ! — и въ эту же шкатулку на масляницѣ Оля и блины положила, чтобы ея блины лежали —

— «Все вмѣстѣ!»

А есть у Оли особенно любимыя вещицы, съ ними она рѣдко когда разстается, и все съ собой таскаетъ, любимыя.

боченочка, забыла! — и сейчасъ же назадъ собралась.

Боченочекъ тамъ, она знаетъ его, она живо пребѣжитъ за нимъ, и опять онъ съ нею будетъ, маленький ея боченочекъ.

И ужъ сбѣжала Оля съ крыльца черезъ дворъ бѣжать — —

На дворъ забѣжала собака, да не какая, а бѣшеная — бѣшенка! — и по двору поднялся такой шумъ и гамъ, такъ всѣ переполошились: дѣтей уводили въ домъ и Олю нянька Фатевна потащила за собой назадъ въ комнаты.

Какъ передъ грозой, затворяли окна.

И всѣ двери были заперты.

Жутко на дворѣ выли собаки.

Жутко на дворѣ было, и посмотрѣть страшно.

На вой сбѣгались со дворовъ собаки, а бѣшеная съ ними управлялась: бѣшенка катала собакъ — она набрасывалась и рвала ихъ зубами — опрокинеть собаку на-земь и опрокинутую рветъ, только шерсть летить!

Кубаремъ катались собаки — на голову, визжали отъ бѣшеной боли, визжали клокочущимъ раздирающимъ визгомъ!

Бѣшеный визгъ и вой стоялъ по двору.

Куда и думать было и не только выйти во дворъ, а и нось показать за дверь — по самому важному дѣлу едва ли кто бы рѣшился выйти изъ дому!

Были отряжены люди на село за мужиками, и теперь дожидались: придутъ мужики съ кольями, прикончать собаку.

Но какъ же тутъ быть, какъ Оль такъ долго оставаться безъ ея любимаго боченочка?

Ждать она не хочетъ — ей сейчасъ его надо!

И ну Оля плакать, да какъ — —

Оля такая: если чего захочеть, такъ ей и подавай сейчасъ! — на поль ляжетъ, на полу объ поль руками и ногами бьется — изволь подать!

У Ильменевыхъ сидѣли гости.

И всякий тутъ, какъ могъ, уговаривать сталъ Олю и утѣшать: о мужикахъ толковали ей, вотъ придутъ мужики съ кольями и тогда хоть куда, а то все равно никто не пойдетъ за боченочкомъ, никто не согласится, всѣ люди попрятались.

— Нельзя!

— Невозможно!

А Оля слышать ничего не хочетъ: на полу бѣется обѣ поль, плачетъ, да какъ! — давай и давай ей боченочекъ, достань его сейчасъ — —

— Боченочекъ!

И вотъ Александръ Павловичъ, отецъ Оли, — любилъ онъ Олю! — взялъ палку, поднялъ съ полу на руки къ себѣ Олю — Оля такъ и охватила его за шею, куда дѣвались и слезы! — и пошелъ съ ней изъ комнаты, отперъ дверь, вышелъ на крыльцо и во дворъ прямо —

И тотчасъ бѣшенка, бросивъ собакъ, кинулась на него.

3

Дорога отъ крыльца до калитки показалась Ольѣ такой долгой, какъ отъ крыльца до церкви, нѣтъ, еще длиннѣе, какъ отъ крыльца до мельницы —

Очень, очень страшно было Ольѣ.

Палкой отбивался отецъ, отшвыривалъ собаку, такъ и шель — палкой совалъ собакѣ въ горло, засовывалъ ей палку въ самое горло.

Задыхалась собака — отставала и вдругъ снова накидывалась и еще бѣшеннѣе и злѣе еще.

Отъ страха все крѣпче и крѣпче хваталась Оля за шею отца, стискивала рученками и ужъ такъ крѣпко, что онъ и кричать не могъ на собаку — Оля душила его.

И не догадывалась — не замѣчала! — Оля думала:

«Папа ничего не боится, и только ей, Олѣ, очень, очень страшно!»

Долгая дорога отъ крыльца до калитки окончилась — Александръ Павловичъ вынесъ Олю за ворота.

И скоро въ рукахъ у Оли быль опять ея любимый боченочекъ.

А тутъ и мужики подоспѣли: несли мужики колья на бѣшеную собаку —

Оля пишеть правильно: не дѣлаеть ошибокъ.
По русскому языку Олѣ всегда пять.

Учительница Наталья Васильевна и любить Олю
именно за то, что пишеть она правильно.

— А почему она пишеть правильно?

Этотъ вопросъ задаетъ себѣ Оля, сама же придумываетъ и объясненія, — и одно изъ объясненій кажется ей самыемъ вѣрнымъ.

Еще въ раннемъ дѣтствѣ часто бывали у Оли
бесонницы, и вотъ, бывало, лежить она ночью въ
кроваткѣ, не спить, и для развлеченія разлагаетъ
слова —

ко-ро-ва
та-рел-ка
мед-вѣдь

«Навѣрно, — рѣшаетъ Оля, — я тогда по ночамъ
всѣ слова разложила и оттого всѣ слова и пишу
правильно».

И у кого угодно Оля замѣтить ошибку.

А вѣдь она еще только въ третьемъ классѣ.

А лѣтъ ей одиннадцать.

Подходятъ праздники — Рождество.

Оля мечтаетъ домой: въ городѣ живеть она въ пансионѣ, а всѣ тамъ — въ Ватагинѣ.

Оля ждеть, вотъ пріѣдуть за ней.

А нѣть, пріѣхалъ за Наташой Григорьевой ея братъ — Григорьевы въ трехъ верстахъ отъ нихъ, — а Оль письмо отъ матери.

Пишеть Оль Наталя Ивановна, что Юрій Васильевичъ Григорьевъ привезеть ее въ Ватагино: она обѣ этомъ его просила.

Прочитала Оля письмо и замѣтила въ письмѣ двѣ ошибки.

— Двѣ ошибки!

На утро пошла Оля въ гимназію за отпускнымъ билетомъ.

А начальница ей никакого билета не дала — отпушкатъ домой не хочетъ.

— Я не могу васъ отпустить съ чужимъ моло-дымъ человѣкомъ! Если бы вы мнѣ представили какое-либо удостовѣреніе въ видѣ ли письма вашей матери или отъ вашего отца, что они разрѣшаютъ вамъ ѻхать съ нимъ, тогда бы я васъ отпустила.

У Оли сердце упало.

А въ карманѣ лежить письмо: если она его покажеть, начальница сейчасъ же дастъ ей отпускъ, и завтра же она будетъ дома, поспѣеть какъ-разъ.

«Но вѣдь въ маминомъ письмѣ двѣ ошибки! Начальница замѣтить, что моя мама сдѣлала двѣ ошибки. Нѣть, ни за что!»

Такъ и не показала.

И осталась безъ отпуска.

Вернулась Оля въ пансионъ — всѣ разѣвжжаются по домамъ: за кѣмъ отецъ пріѣхалъ, за кѣмъ мать, кого по письму.

Одна Оля остается.

И весь день и ночь и слѣдующій день и ночь Оля проплакала.

Въ сочельникъ пришла въ пансионъ тетка Марья Петровна и взяла Олю къ себѣ: она только-что узнала, что домой Олю не отпустили.

И у тетки Оля проплакала весь день: глаза отъ слезъ стали красные, опухли, носъ покраснѣлъ и опухъ.

А все плачетъ.

— Да отчего жъ ты письма-то не показала! — возмущалась Марья Петровна.

— Тамъ — — двѣ ошибки.

И опять, какъ вспомнить домъ — зажжена елка, всѣ сидятъ... любимая бабушка разсказываетъ о волхвахъ, какъ волхвы со звѣздой путешествовали, и всякий разъ представляется Оль, что волхвовъ много и всѣ они женщины, несутъ звѣзду въ рукахъ и звѣзда имъ путь освѣщаетъ! — какъ вспомнить и въ слезы.

Только къ вечеру успокоилась — зажгли теткину елку.

3

На утро въ первый день Рождества прѣѣхалъ Александръ Павловичъ: цѣлую ночьѣхалъ онъ на почтовыхъ изъ Ватагина.

Какъ бросилась къ нему Оля — какъ ей было все близко, свое, и тяжелая николаевская шинель и сѣдая голова отца, до которой она едва допрыгивала, и эти глаза! — Оля завизжала отъ радости.

Ну — — иѣхать.

Не дождавшись обѣда, поѣхали домой.

Дорогой Оль было не по себѣ — не могла она на саняхъѣздить! — очень измучилась.

И подъ конецъ укачало — заснула.

А проснулась оттого, что лошади громко фыркнули.

Да они ужъ у крыльца.

Въ окнѣ елка горитъ — —

А на крыльцѣ Наталья Ивановна, любимая бабушка, нянька Фатевна — всѣ стоять, вышли, поджидаютъ Олю.

Оля выскочила — и опять ей радость! — чаю попросила, а ужъ чай готовъ съ лимоннымъ вареньемъ.

«Мама поняла, что со мной дорогой дѣлалось!» — пила Оля чай изъ своей любимой чашки съ лимоннымъ вареньемъ.

Тутъ и сосѣдскія дѣти пришли.

Много бѣгали они вокругъ елки.

Много имъ всякихъ сластей дали.

А самое любимое они сами себѣ сдѣлали: на свѣтѣкѣ жгли сахаръ и получались конфеты — имъ это очень нравилось и только рѣдко позволялось — но какія вкусныя конфеты!

На ночь Олю перекрестиль отецъ, мать и бабушка.

Отецъ сказалъ:

— Христосъ съ тобой!

Мать сказала:

— Ангель хранитель надъ тобой!

А бабушка пошептала:

— Святы, святы, Господь!

И когда Оля лежала въ постели подъ любимымъ одѣяломъ, нянька Фатевна что-то по угламъ смотрѣла:

— Надо всѣ лампадки зажечь. Сегодня нечистая сила злая: ей досадно, что Христосъ родился.

И проходя, тоже перекрестила Олю.

И Оля заснула крѣпко, заводя носикомъ счастливую пѣсню.

Коса у Оли довольно большая и съ голубой ленточкой.

Если спросить Олю, что она больше всего любить, Оля такъ и отвѣтить:

— Пасху.

Такъ и считаетъ свои дни отъ Пасхи до Пасхи.

За одиннадцать лѣтъ много она чего знаетъ, и все знаетъ, что нужно на Пасху.

Когда посадятъ тортъ въ печку, Оля ложится и плачетъ въ подушку — такъ надо немного поплакать, и тортъ выйдетъ хорошій;

когда всходятъ куличи, Оля по комнатамъ не ходить, потому что не хорошо куличу, если ходять — можно босикомъ и то развѣ при крайней нуждѣ.

Съ куличами большая забота: не удастся — выйдетъ внутри пустышка, и ужъ въ этомъ году такъ и знай, въ домѣ непремѣнно умреть кто-нибудь, — съ куличемъ держи ухо востро!

Во всемъ, что бы ни дѣлалось — во всѣхъ пасхальныхъ приготовленіяхъ Оля принимаетъ самое большое участіе.

Оля смотритъ какъ старая нянька Фатевна бѣть тѣсто передъ тѣмъ, какъ сажать его въ печку: какъ захватить его изъ квашни да бросить на доску, да разъ бросить, да въ другой бросить, да въ третій — Фатевну и тѣсто слушаетъ!

Оля помогает раскладывать свѣжіе куличи на подушки — свѣжіе куличи непремѣнно надо класть на подушки!

Дѣлаетъ красивыя бумажки подъ торты.

И еще многое множество всякихъ дѣлъ передѣлается, нужныхъ для такого краснаго дня, отъ кото-раго Оля всѣ свои дни считаетъ.

Одно не дается — никакъ не можетъ Оля отдѣлять желтки отъ бѣлковъ;

да еще не даютъ Оль растирать лапаточкой творогъ въ мокотрѣ: прошлой Пасхой растирала, расти-рала, дно у мокотры и отскочило.

— Я говорила, что изъ нашего полку не будетъ толку! — сказала тогда нянька Фатевна.

Ну да что, со временемъ и эти мудрости Оля по-стигнетъ, — смысленая она дѣвочка, умница.

2

Вѣрбная недѣля на исходѣ.

Пройдетъ еще день, два и распустять на Пасху.

Изъ дому Оля получила письмо: и отецъ и мать одно пишутъ, что не придется Оль пріѣхать домой въ Ватагино.

«Дорога испортилась — сильный разливъ — пріѣхать нельзя!»

Очень это Олю взволновало: никогда еще не проводила она Пасху въ городѣ и представить себѣ не можетъ, какая тутъ Пасха! — она знаетъ и любить свою ватагинскую, ее и дожидается, о ней и думаетъ.

Вотъ наступить Страстная недѣля — день за днемъ вся недѣля въ какой-то горячкѣ.

А въ великую субботу ужъ такое подымется, та-кая суматоха, нѣть никакого порядка: успѣль пере-

кусить — хорошо, не успѣль — пеняй на себя! —
ужъ очень всѣмъ дѣло по-горло.

И придетъ, наконецъ, вечеръ субботы.

Всѣ дѣти ложатся спать до одиннадцати, а ровно
въ одиннадцать нянька Фатевна всѣхъ разбудить: по-
ра собираться къ заутренѣ.

Когда Оля нарядная въ бѣломъ платьице съ го-
лубой ленточкой проходитъ по залу, ей страшно —

Въ углу передъ чудотворной Ильменевской
Божьей Матерью лампадка горить — одна лампадка
освѣщаетъ огромный залъ.

Посреди зала отъ фортепіано до каміна съ узор-
ными бронзовыми часами бѣлый столъ, убранный
цвѣтами.

На столѣ куличи и паски:

паска бѣлая,
паска коричневая,
паска большая,
паска маленькая,
еще поменьше;

и торты:

песочный тортъ,
масляный тортъ,
бакалейный тортъ,
шоколадный тортъ,
хлѣбный тортъ,
миндалевый тортъ;

и щетинистый окорокъ,
и индюкъ, начиненный бѣлой кашей съ миндалемъ,
и телячья нога;
вины, наливки:

розовая,
кружевенная,
барбарисная,
сливянка желтая,
сливянка красная,

и, наконецъ, — поросенокъ.

Олѣ страшно поросенка.

Какъ войдетъ она въ залу, поросенокъ ей такъ прежде всего въ глаза и бросается: лежить поросенокъ важно на блюдѣ прямо подъ люстрой и ворту у него хрѣнъ.

Почему Оля поросенка боится, она и сама сказать не можетъ, но всякую Пасху, какъ проходить по залу, его-то именно и страшно: лежить поросенокъ на блюдѣ, а во рту хрѣнъ.

Всѣмъ домомъ пѣшкомъ отправляются въ церковь — въ эту ночь ѿздить нельзя: впереди съ фонаремъ кучерь Григорій, за Григоріемъ Миша и Лена, за Мишой и Леной Наталья Ивановна съ Ириной, за Натальей Ивановной ключникъ Федотъ Кривой и камердинеръ Федотъ Прямой, за Федотами съ узелкомъ нянька Фатевна, а далеко впереди — впереди всѣхъ Оля и съ ней Александръ Павловичъ.

И во весь путь замираетъ сердце:

«А что если въ этомъ году, — думаетъ Оля, — не такъ будетъ? Вдругъ да не будутъ пѣть «Христосъ Воскресъ»?

Возлѣ церкви бабы сидятъ — на головѣ бѣлые намитки длинныя, какъ саванъ.

И куличи и поросенки и паски, принесенные въ церковь святить, бѣлымъ холстомъ покрыты, возлѣ бабъ лежать.

Олѣ вспоминается, какъ сказаль ей однажды отецъ и не разъ говорила нянька Фатевна, будто въ Пасхальную ночь мертвые встаютъ изъ гробовъ.

Оля всматривается въ бабъ — —

Да это вовсе не бабы, а мертвые — покойники съ кладбища сидят у церкви!

И хочется Олѣ поближе взглянуть и жмуится отъ страха.

Въ крестномъ ходу Оля идетъ рядомъ съ ватагинскимъ батюшкой о. Евдокимомъ, а за нимъ съ народомъ — съ мужиками и бабами идутъ и мертвые, покойники, и покойница бабушка Анна Михайловна и помершая сестра Таня.

Оля знаетъ, слышитъ — шаги ихъ сзади чувствуетъ — ихъ много въ бѣлыхъ саванахъ и старыя въ бѣломъ, какъ бабушка, и маленькия въ голубыхъ платьицахъ, какъ Таня —

И только сердце стучитъ.

И когда крестный ходъ проходитъ мимо могилы бабушки, свѣчка у Оли какъ сердце, — и въ колеби свѣчи она видитъ: могила бабушки раскрыта стоять.

Такой былъ обычай въ Ватагинѣ: Ильменевскій кучерь Григорій въ пасхальную ночь представлять дьявола.

Онъ одинъ оставался въ церкви во время крестнаго хода и, ставъ у дверей, изо всей силы припирая плечомъ, держаль двери, чтобы не пустить обратно крестный ходъ въ церковь. Но лишь только на панперти скажетъ батюшка: «Да воскреснетъ Богъ» а за нимъ въ первый разъ запоютъ «Христосъ Воскресъ», тутъ не выдержитъ дьяволъ, обезсилить, скочится весь и, отпустивъ двери, опрометью бросится черезъ всю церковь, да куда-нибудь и проскочить —

Распахнутся двери и со свѣтомъ свѣчей хлынетъ:
— Христосъ воскресъ!

Оля плачетъ — не замѣчаетъ слезъ — видить она такой свѣтлый радостный свѣтъ, чувствуетъ, какъ охватилъ этотъ свѣтъ ея сердце, всю душу, всю ее, и не можетъ не плакать —

— Христосъ воскресъ!

— Олюшка, — шепчетъ ей на ухо нянька, —

какое у тебя лицо свѣтлое, Олюшка, Христосъ Воскресъ!

А кончится заутреня, отстоять обѣдню и домой.

Впереди съ фонаремъ кучерь Григорій, за Григоріемъ Миша и Лена, за Мишой и Леной Наталья Ивановна съ Ириной, за Натальей Ивановной ключникъ Федотъ Кривой и камердинеръ Федотъ Прямой, за Федотами сзади всѣхъ съ узелкомъ нянѣка Фатевна.

А Оля съ отцомъ опять далеко впереди.

И много обгонять они мужиковъ и бабъ — съ куличами, поросенками, пасками.

Чуть только брежжитъ — въ хатахъ огоньки горятъ.

Дома ждутъ батюшку — весь домъ освѣщенъ — ждутъ не дождутся.

И наконецъ пріѣзжаетъ о. Евдокимъ, святить паски, христосуется.

А Оля ужъ давно успѣла перехристосоваться и не только съ домашними и со всею прислугою, а и съ цвѣтами и съ любимыми коробочками, со всѣми книгами, кромѣ... географіи — она не любимая.

О. Евдокимъ отрѣжетъ себѣ кулича и паски, первый попробуетъ, и тогда всѣмъ можно — тогда начнуть разговляться.

«И какъ это батюшка не лопнетъ!» — думаетъ Оля, глядя на о. Евдокима, который всего долженъ первый попробовать и не только у нихъ, но и у всѣхъ ихъ сосѣдей: и у Боровыхъ и у Лупичевыхъ и у Сахновскихъ и у Григорьевыхъ, и даже въ Лубенцахъ у чудного старичка Ксаверія Матвѣевича.

А какъ весело проходить первый день!

Хорошо на первый день качаться на качеляхъ, прыгать на доскахъ, катать яйца — —

Цѣлый день звонять въ колокола.

Оля знаетъ, что только для пасхальной ночи — для первого дня она и на свѣтъ живеть.

И развѣ можетъ Оля въ эту ночь не быть дома въ Ватагинѣ? Развѣ можетъ она остаться здѣсь въ городѣ, въ пансионѣ, гдѣ за зиму все надоѣло?

Нѣтъ, Оля знаетъ и одно себѣ твердить — непремѣнно поѣдетъ.

И ужъ такъ будеть рада, такъ рада, что и съ географіей похристосуется!

Чувствуетъ Оля свою вину передъ географіей.

Прошло Вербное, прошли три первые дня — понедѣльникъ, вторникъ и среда Страстной недѣли — говѣла Оля и причащалась — прошли и Страсты.

Никто за Олей не єдетъ.

И вотъ, когда ужъ, кажется, не оставалось никакой надежды, въ Великую субботу утромъ пріѣхалъ сосѣдъ Ильменевыхъ Сохновскій, зашелъ въ пансионъ Линде — и Олю съ нимъ отпустили домой.

3

Все было готово и столь бытъ убранъ, когда пріѣхала Оля въ Ватагино.

И ей оставалось только провѣрить, такъ ли все сдѣлано: такъ ли яйца покрашены и какие куличи и паски и какой поросенокъ.

— Не ожидала ты, что пріѣдешь на Пасху?

— Нѣтъ, мама, я навѣрное знала, что пріѣду.

— Сердце лучше знаетъ: и ни словами, ни письмами его не обманешь! — сказалъ Александръ Павловичъ, любуясь на свою сѣроглазку.

И когда пришла ночь, все случилось такъ, какъ и прежде.

Какъ и въ прошлые годы, проходя по залу, Оля забоялась поросенка, а по дорогѣ въ церковь очень волновалась, что вдругъ да не будутъ пѣть «Христосъ воскресъ», видѣлись ей мертвые, покойники у церкви, а на крестномъ ходу въ колеби свѣчи, раскрытая могила бабушки, и опять, какъ запѣли въ

первый разъ «Христосъ воскресъ», отъ радости пла-
кала, а нянька Фатевна шептала:

— Олюшка, какое у тебя личико свѣтлое, Олюш-
ка, Христосъ воскресъ!

Оля рѣшила во что бы то ни стало не пропустить
восходъ солнца.

Нянька Фатевна ей рассказывала, что на первый
день Пасхи солнце особенно восходитъ:

— Ясно видно на солнцѣ, какъ Христосъ . изъ
гроба встаетъ, а то, какъ Христосъ возносится, а то
просто крестъ изъ солнца выходить.

И вотъ, когда разговѣлись и уѣхалъ о. Евдокимъ,
и весь домъ спать улегся, Оля поднялась въ башню,
гдѣ библіотека, и сѣла у окна ждать солнца.

И показалось солнце —

красное —

золотое —

весь садъ загорѣлся, всѣ птицы зачирикали.

Поднялось солнце надъ садомъ, стало прямо про-
тивъ башни — — зарябило въ глазахъ у Оли.

И Оля ничего не увидала.

Пошла Оля къ нянькѣ, разбудила няньку Фа-
тевну.

— Что это значитъ, ничего я на солнцѣ не уви-
дѣла?

— А ты, вѣрно въ ту самую минутку глаза за-
жмурила, — сказала старая нянька, — а я такъ
вотъ видѣла: Христосъ изъ гроба вставалъ, Олюшка.

Повѣрила Оля Фатевнѣ.

«Христосъ изъ гроба вставалъ!»

И не долго печалилась.

Ужъ на будущую Пасху Оля всѣ глаза прогля-
дить — она увидѣть! и пускай слезы градомъ те-
куть, не сморгнеть, не зажмурить глазъ! — она все
увидѣть.

Оля — шалунья изъ первыхъ, кажется, смиро-
минуты не посидить, такъ и распустить свои кры-
лышки—начнетъ кричать да кружиться по залу, ни-
какими силами не остановишь, всю гимназію на но-
ги подыметъ.

Ну, и сердитая тоже.

— Когда осержусь, я стану, какъ платье! — не
разъ сама говорила Оля еще до гимназіи и при этомъ
показывала на свое любимое красное съ черными
мушками фланелевое платьице, — вотъ я какая!

Самый любимый учитель Яковъ Степановичъ Фе-
офилактовъ, физикъ, преподававшій въ четвертомъ
классѣ географію, — такой былъ обычай въ Покидо-
шенской гимназіи: учителей физики заставляли
преподавать географію.

И Яковъ Степановичъ преподавалъ географію.

Въ четвертомъ классѣ проходила Россія.

Отдавая предпочтеніе городамъ лишь губерн-
скимъ, Яковъ Степановичъ справлялся со всей про-
чей географіей безъ затѣй — по просту: онъ разска-
зывалъ случаи, происходившіе съ нимъ, когда пѣши-
комъ ходилъ онъ по Россіи съ своимъ пріятелемъ —

— причемъ пріятель былъ знающій, а онъ незна-
ющій.

Всякій разъ, что бы ни объяснялось, всегда поя-
влялся этотъ пріятель знающій.

Путешествуя какъ-то по непроходимымъ болотамъ, Яковъ Степановичъ завязъ по колъно въ трясину да такъ, что и выбраться не было никакой возможности, а пріятель знающій, какъ на грѣхъ, за-пропостился куда-то; а другой разъ отъ пустяковой полスピчки, разведя на опушкѣ костеръ, сожгли старый дремучій лѣсъ, самъ же Яковъ Степановичъ спасся подъ какимъ-то заячимъ кустикомъ и то только благодаря случаю.

И все въ такомъ родѣ — живо, наглядно, занимательно.

Разсказы ли о пріятелѣ или кто донесъ на Якова Степановича, будто, ударившись въ воспоминанія, Яковъ Степановичъ чуть ли не въ четвертомъ классѣ сказалъ на урокѣ,

— что человѣкъ отъ обезьяны произошелъ! только съ нѣкоторыхъ поръ на географії стала появляться начальница и директоръ.

При такомъ нашествіи Яковъ Степановичъ, нисколько не смущаясь, вызывалъ самыхъ плохихъ ученицъ, да тѣмъ и кончался урокъ, и никакихъ ужъ рассказовъ не рассказывалось, а задавалось повторить на слѣдующій разъ старое. Такъ ни съ чѣмъ и уходило начальство.

Самой любимой вещицей былъ для Оли ея маленькой глобусъ, хранимый вмѣстѣ съ коробочками, къ которымъ Оля чувствовала какую-то особенную трогательную нѣжность, но Оля не любила географіи, и, когда ее вызывали, болтала изъ головы, что Богъ на душу положить, но бойко и смѣло.

— Вотъ-вотъ, имѣйте это въ виду! — одобряль Яковъ Степановичъ.

И не только за такое любили Якова Степановича.

— Другой, напримѣръ, учитель, скажи-ка по-пробуй, что урока не приготовила, сейчасъ тебѣ единицу или вонъ изъ класса, а Яковъ Степановичъ никогда, только признайся по истинной по правдѣ, откровенно.

- И правда, вотъ хотя бы такое объясненіе частое на урокахъ географіи.

Гимназистка не выучила урокъ.

— Почему не выучили?

— Быдила кататься.

— Куда же ъѣдили?

— За Кіевскій мостъ.

— Ну какъ теперь дорога? я, знаете, давно не катался! — Яковъ Степановичъ сладко потягивается: до катанья онъ большой охотникъ, — съ кѣмъ же вы ъѣдили?

— Съ однимъ знакомымъ.

— Вотъ это я люблю: ъѣдили кататься, — что за бѣда! кататься, такъ кататься, а то: голова болѣла, зубы болѣли — эти отговорки.

А вѣдь за катанье да еще съ какимъ-то знакомымъ въ Покидошенской гимназіи, гдѣ классныя дамы слѣдили на улицахъ, узнай только начальница, — три за поведеніе непремѣнно, а то и выгонять.

А какъ Яковъ Степановичъ зѣвалъ сладко и слаще зѣвалъ онъ въ самое неподходящее время — на экзаменахъ и при начальствѣ, когда, кажется, и парты и стѣны и столь съ потолкомъ трепетали.

Высоченный, такъ что гнулся, кудри свѣтлорусыя по плечи, носъ раздвоенный на кончикѣ, будто срослось два поса, и одна губа — и ужъ куда ни смотри и какъ ни заглядывай, за этой верхней губой у Якова Степановича ничего не найдешь, словно нѣть и не было ничего.

Яковъ Степановичъ влюбился въ учительницу приготовительного класса Файну Александровну Громову.

Ужъ давно это примѣтили, всѣмъ это извѣстно и переизвѣстно. Ждали съ нетерпѣніемъ развязки, сами назначали день свадьбы и ужъ готовились всѣмъ классомъ поздравить, и вдругъ Яковъ Степановичъ объявляется:

— Сегодня я у васъ въ послѣдній разъ или предпослѣдній. Я уѣзжаю.

— Какъ?. — подымается классъ.

— Уѣзжаю.

— Останьтесь! — кричать,—не уѣзжайте, Яковъ Степановичъ!

— Нѣть, не могу, — Яковъ Степановичъ взлохмачивается и такъ подпираетъ қулаками себѣ скully, что не только что глазъ, даже носа, раздвоенаго на кончикѣ, и носа не видно, лишь торчить единственная одна губа да рыжая борода коломъ, — не могу, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нельзя чело-вѣку оставаться, если тебя не понимаютъ, если тебя отвергаютъ.

— Останьтесь, мы васъ понимаемъ! — кричать гимназистки.

Для всякаго ясно: конечно, Яковъ Степановичъ объяснился съ Файнай Александровной и получилъ отказъ.

— Нѣть, не могу, я уѣзжаю, — стоитъ на своемъ Яковъ Степановичъ.

— Не уѣзжайте, останьтесь, не уѣзжайте! — ужъ реветь классъ и воеть и не то нарочно, не то за-правду, разобрать невозможно.

— Извините, даже и для васъ не могу, извините!

Да такъ и ушелъ — цѣлый мѣсяцъ ни слуху, ни духу. Только черезъ мѣсяцъ является и такой веселый, глаза синіе такъ и блестятъ.

— Господа, я остаюсь.

И ужъ ни для кого не тайна, всѣ догадались: конечно, Яковъ Степановичъ женится на Файнѣ Александровнѣ. И много уроковъ проходитъ такъ въ разговорахъ.

Такая была привычка у Якова Степановича:ходить онъ, ходить по классу, а найдется пустая парты, сядетъ.

Когда Яковъ Степановичъ садится передъ Олей, Оля начинаетъ его изводить: тихонько поймавъ на карандашъ волосъ, намотаетъ на карандашъ да и дернетъ.

Бѣдный Яковъ Степановичъ то и знай, почесыvается, а на другой день смотришь: кудри разлоушены — голову мыль! — на блоху, значить, погрѣшилъ.

*

Самый страшный учитель — Филимонъ Петровичъ Кураповъ, историкъ.

Никакія уловки и увертки ни къ чему не приводятъ.

Одна гимназистка попробовала обмороkъ представить, такъ онъ только со стула всталъ.

— Да не представляйтесь вы, идите на мѣсто! — только и всего.

Ну та и пошла.

А какія единицы ставить онъ сочныя да усатыя — такъ во всю клѣтку! — ножемъ не выскоbилишь, и за сущія пустяки.

Одна назвала папу Льва X —

— Папа Лёва X.

— единица.

Другая сказала, что въ Турецкую войну миръ былъ заключенъ —

Въ Стефанъ Баторіи.

— единица.

Третья, разсказывая про Юлія Цезаря, не перехнула, гдѣ это слѣдуетъ:

— Среди заговорщиковъ, — рассказывала гимназистка, — Юлій Цезарь, увидѣвъ облагодѣтельствованного имъ Брута, воскликнуль: «И ты, Брутъ, завернулся въ свою тогу и упалъ мертвый къ подножію Помпейской статуи».

— единица.

Когда, объяснивъ урокъ, Филимонъ Петровичъ садится и, поправивъ свои сѣдые вихры, весь уходитъ въ журналъ, всѣ холодѣютъ и такая тишина наступаетъ — не только муху, самую что ни на

есть маленькую невидимую мушку слышно, и въ эту-то страшную минуту Оля надувала щеки и хлопала по нимъ кулаками.

И хоть ты тамъ весь столь карандашомъ простучи — а Филимонъ Петровичъ въ такихъ случаяхъ всегда по столу карандашомъ стучалъ — все равно не узнаешь, откуда такой звукъ щекный.

*

Учится Оля хорошо, понятливая.

Понятливости ей не занимать стать. Еще когда младшую сестру Лену — Лена на три года младше Оли — отнимали отъ груди, Оля, прослушавъ, какъ бабушка совѣтывала матери намазать грудь горчицей съ медомъ, принесла Ленѣ тряпичку, чтобы та грудь вытерла.

— А то горько будетъ.

Толково сдѣлаетъ разборъ, толково разскажетъ, — все у Оли въ памяти, никогда не зубрила и дается легко, диктанты безъ ошибки пишетъ и любую задачу рѣшить.

Гроза гимназіи — учительница ариѳметики Катерина Феодоровна довольна Олей.

А Катерина Феодоровна, щедро раздававшая не только единицы и двойки, а и свои ею изобрѣтенные нотабены, не дура была озадачить: заставить, напримѣръ, задачу рѣшить да чтобы не какъ обыкновенно, а съ конца — ну-ка рѣшай.

Но Оля и съ конца рѣшить: бойко перечислить всѣ вопросы, какие являются въ рѣшеніи, и не съ первого вопроса, какъ обыкновенно, а съ самаго послѣдняго до первого, въ томъ вся и хитрость.

И все-таки при переходѣ изъ второго класса въ третій Олѣ дали переэкзаменовку по ариѳметикѣ.

Дѣло вотъ какъ было. Пріѣхалъ ревизоръ и потребовалъ вызвать самую лучшую ученицу. Вызвали Олю. А Оля ни въ зубъ: наканунѣ ее спраши-

вали, и само собой, въ книгу она не заглядывала и объясненій не слушала. Поставила Катерина Федоровна единицу. А на экзаменѣ такую задала Олѣ задачу — общей задачи не было — рѣшила Оля, рѣшила, послѣдней тетрадку подала и ничего не рѣшила. Дали повѣрку. На повѣркѣ та же задача — и опять двойка. Такъ и назначили переэкзаменовку. И кому ни разскажетъ Оля свою задачу, никто рѣшить не можетъ. А задача-то просто-напросто была нерѣшааемая, такія есть задачи въ задачникахъ.

— Это у насъ особые счеты! — объясняла Катерина Федоровна учителю, который, присутствуя на переэкзаменовкѣ и видя, какъ Оля все хорошо знаетъ, очень былъ удивленъ, что Оля провалилась на экзаменѣ.

*

Оля хочетъ учиться. Еще со второго класса она твердо рѣшила учиться и много.

Заболѣло у Оли горло, а лѣчила ее докторша Шрейберъ, — Оля должна была ходить къ ней разъ въ недѣлю, — и въ первый же разъ Олѣ очень понравилась мѣдная именная дощечка:

Женщина-врачъ Фрида Лазаревна Шрейберъ.

Вотъ съ этихъ поръ она и стала мечтать сдѣлаться докторомъ.

А для этого, — какъ она узнала, — надо много учиться.

И твердо рѣшила учиться и много.

Только Оля какая-то несуразная, никакъ не можетъ наладиться: то опрокинеть чернильницу, то воду прольеть, или оступится или ударится и всегда на такомъ мѣстѣ, гдѣ другой цѣлехонекъ пройдетъ, глядь — и готовъ синякъ, а то руку обожжетъ или носомъ стукнется до крови. Ровно бы и земля ее не держить, — такъ всякий день и жди бѣды.

Когда Оля была совсѣмъ маленькой, чуть было калѣкой на всю жизнь не осталась.

Подали однажды самоваръ, поставили на табуретку и, какъ нарочно, въ столовой никого не случилось, только одна Оля. И вотъ подошла она къ самовару да какъ-то не то толкнула, не то зацѣпилась, самоваръ-то и сковырнулся да прямо на нее: всѣ ей ноги отпарило.

И какъ стали чулочки снимать, такъ съ кожей вмѣстѣ и сняли.

Долго ли до грѣха, какъ еще ноги то уцѣлѣли? Но это еще сполгоря, могло произойти и похуже. Оля постоянно терялась.

Пойдетъ, бывало, гулять съ кѣмъ изъ большихъ и непремѣнно или отстанетъ или впередъ уйдетъ и, конечно, затеряется. И куда идетъ, сама не знаетъ, такъ на волю Божью, словно вѣтромъ несетъ ее. Схватятся, ищутъ-ищутъ да гдѣ-нибудь въ концѣ-концовъ и совсѣмъ въ непоказанномъ мѣстѣ — либо въ оврагѣ, либо на чужомъ дворѣ, либо далеко на полѣ — и найдутъ ее.

Разъ очутилась она на краю села возлѣ еврейской хаты, дороги-то не знаетъ, сѣла на землю и плачетъ. Изъ хаты вышли евреи, стали къ себѣ звать въ хату, — не идетъ, еще пуще плачетъ:

— Очень ужъ обидѣлась, зачѣмъ евреи называли ее Любой, — была убѣждена, что имя ея всѣ знаютъ.

Насилу тогда отыскалась: привель домой старый еврей.

А иногда умудрялась Оля затеряться даже у себя дома: зайдетъ, бывало, въ дальнюю комнату — Ильменевскій домъ старинный, огромный, девятнадцать комнатъ — а назадъ-то выйти и не можетъ: двери тяжелы — рученокъ ея не слушаются, затвориться, затворятся, а отвориться — нѣтъ, тяжелы очень, ну и заберется куда подъ диванъ или подъ кровать и лежитъ тамъ, плачетъ, пока не найдутъ.

— Если затеряешься на улицѣ, — сказалъ какъ-то Александръ Павловичъ, — только скажи какому-нибудь человѣку и тебя приведутъ ко мнѣ, фамилія твоя Ильменева.

Съ тѣхъ поръ Оля знаетъ свою фамилію, и съ тѣхъ поръ ей не страшно, что заблудится.

«Затеряюсь, скажу фамилію, меня и приведутъ къ папѣ — папу всѣ знаютъ! — такъ разсуждала Оля и, когда терялась, ужъ больше не плакала, держа на языкѣ встрѣчному свою фамилію.

Правда, теперь въ городѣ какъ будто пообыкла, а то просто хоть за руку держи и ни на шагъ не отпускай.

*

Оля большая чудачка.

— Мама, я хорошо помню, какъ была твоя свадьба! — не разъ говорила Оля.

А когда Наталья Ивановна ей объясняла, что Оля этого никакъ не можетъ помнить, ее тогда на свѣтѣ не было, а родилась она черезъ двѣ-надцать лѣтъ послѣ свадьбы, Оля начинала спорить: она приводила всякия малочи изъ обстановки той комнаты, гдѣ она лежала спленутая на кровати въ день свадьбы.

И въ самомъ дѣлѣ, однажды Оля лежала на кровати точь-въ-точь въ такой комнатѣ — тутъ она ничего не выдумывала — но это когда ей шесть недѣль было и возила ее Наталья Ивановна съ собой на свадьбу въ сосѣднѣе имѣніе за пять верстъ отъ Ватагина.

Оля увѣряла, что родилась на сѣдлѣ и что Наталья Ивановна не настоящая ей мать, а настоящая мать ищетъ ее, и когда Олѣ будеъ шестнадцать лѣтъ, Оля найдетъ ее и еще найдетъ подругу себѣ — сестру, которую непремѣнно будуть звать тоже Олей.

— Я родилась на съездѣ въ полѣ и моя настоящая мама ищетъ меня, — повторила Оля.

Какъ-то случилось, ъхала Наталья Ивановна съ Олей и Леной по желѣзной дорогѣ. Во время остановки Оля и Лена вызвались итти на станцію за водой. Наталья Ивановна позволила, но потомъ остановила Лену: Лена можетъ упасть и пускай сходитъ одна Оля.

Олю это страшно огорчило.

— Конечно, я же знаю, не моя настоящая мама, настоящая мама и меня не отпустила бы, я тоже могу упасть.

Такъ безъ воды и остались: Оля одна не захотѣла итти.

Оля очень хотѣла, чтобы была ей Наталья Ивановна именно той настоящей матерью, которую найдетъ она, когда ей будетъ шестнадцать лѣтъ. Вотъ почему дома въ Ватагинѣ Оля любила немножко хворать. Наталья Ивановна становилась тогда такая добрая къ ней и больше всѣхъ любила ее.

— Какъ настоящая мама!

Если же Оля здорова, Наталья Ивановна ее меныше любить, — такъ кажется Олѣ, — а больше всѣхъ любить Ирину — Ирина старше Оли на шесть лѣтъ — и за то, что она самая старшая и за то, что она самая послушная, и всегда въ примѣръ Олѣ ставить.

Оля чудачка да и потѣшная, что говорить.

Ну какую она штуку выкинула совсѣмъ еще крохотной!

Повадилась на полѣ садиться: усядется и сидитъ себѣ тихонько. Пробовали спрашивать, зачѣмъ такъ сиднемъ сидитъ? — въ отвѣтъ ни слова, только лукаво посматриваетъ, а на руки взять, — не идеть, крикъ подымается.

А все дѣло, какъ оказалось, вотъ въ чемъ: замѣтила Оля, какъ на сонъ грядущій нянька Фатевна, раздѣвшиись, засвѣтить огарокъ да, засунувъ голову подъ воротъ рубашки, съ огаркомъ блохъ ловить, и

пришла Олъ охота тоже на сонъ грядущій блохъ по-ловить, а блохъ-то и нѣтъ.

«Если сяду я на поль, — разсуждала Оля, — да буду сидѣть тихо, придутъ ко мнѣ блохи, и будетъ у меня блохъ много, чтобы ловить».

Первое время въ гимназіи Оля всякий день учила всѣ уроки, всѣ, какіе задавались и по всѣмъ предметамъ, хотя бы эти предметы и не числились въ расписаніи, и носила въ портфель всѣ учебники и всѣ тетради. Въ портфель всѣ книги и всѣ тетради заразъ не помѣщались, Оля уминала ихъ кулаками, и скоро сдѣлались онъ мятая и порванный. На Олю стали нападать за неаккуратность, а учительница русскаго языка Наталья Васильевна, хотя Оля и была у ней любимая, вывела ей въ четверть вмѣсто пяти четыре.

— За мятая тетрадки.

Но что тутъ подѣлаешь, видно, такъ ужъ полагается, — такая гимназія.

И недаромъ, наслушавшись разсказовъ своей старшой сестры Ирины, пріѣзжавшей въ Ватагино изъ института на каникулы, Оля, еще мечтая о гимназіи, представляла ее себѣ какъ разъ такой строгой и взыскательной, подъ стать учительницѣ русскаго языка, и не безъ гордости толковала нянѣкъ Фатевнѣ:

— Знаешь, няня, поступлю я въ гимназію, а въ гимназіи-то какъ! зададутъ выучить наизусть вотъ такую толстенную книгу, на другой день заставятъ отвѣтить: «а» пропустишь, — двойка.

Какъ-то послѣ исповѣди, чтобы скоротать время — ни ёсть, ни пить не полагалось — гимназистокъ повели гулять. Оля попросилась зайти въ фруктовую лавку. Былъ у ней всего-на-всего одинъ рубль, — этотъ рубль предназначался положить батюшкѣ на теплоту. Въ лавкѣ забрала она яблокъ, и оказалось, что они какъ разъ рубль и стоять, и она заплатила и осталась съ пустымъ карманомъ. Хорошо

еще классная дама во-время поправила дѣло: яблочки были возвращены въ лавку, а рубль обратно.

Въ первый разъ, когда Оля оставалась на Пасху въ городѣ, первой стоя въ парѣ въ гимназической церкви, первая подошла послѣ заутрени къ батюшкѣ — законоучителю Аристотелеву ко кресту и все тянулась, чтобы похристосоваться, но батюшка Аристотелевъ, считая неприличнымъ христосоваться съ гимназистками хотя бы и младшаго класса, уклонился отъ поцѣлуя, подставляя для поцѣлуя вмѣсто себя крестъ. Разъ десять Оля поцѣловала крестъ.

Во второмъ классѣ Оля состригла себѣ брови и за поведеніе ей выставили четверку.

Ну, развѣ не чудачка!

2

Въ гимназію Оля поступила девяты лѣтъ въ первый классъ. Ее хотѣли отдать въ институтъ, но она подняла такой крикъ, что волей-неволей, а пришлось уступить, какъ пришлось однажды уступить, когда на пятомъ году задумала Оля исповѣдываться. Весь сырь-бортъ загорѣлся только оттого, что брата ея Мишу — Миша старше Оли на два года — отвезли въ гимназію, а Оля непремѣнно хотѣла, чтобы вмѣстѣ.

Съ братомъ Оля дружила: цѣлыми днями, бывало, играя въ путешественниковъ, вмѣстѣ строили подъ сливой будки изъ досокъ, вмѣстѣ учились у одного учителя Ивана Ильича. Какъ же тутъ не поднять крику?

Когда Олю увозили въ гимназію, она обѣжала весь домъ, весь садъ и весь дворъ, прощаясь съ каждымъ уголкомъ въ домѣ, въ саду и во дворѣ.

Въ гостиной, въ диванныхъ, въ кабинетѣ, въ портретной прощалась съ портретами: и съ тѣмъ

пурпурнымъ орлоокимъ, чье прозвище «могучій» и съ тѣмъ смуглымъ—черемнымъ, чье прозвище «грозныя ночи» и съ гордой красной панной изъ гетманскаго рода Гедройцевъ и съ нѣжной, какъ кипень, бѣлой панной изъ воеводскаго рода Гастольда и со всѣми дамами и кавалерами — со всѣмъ своимъ родомъ — старыми и молодыми, въ парчѣ, въ соболяхъ съ бунчуками, въ бархатѣ, въ пурпурѣ, въ шелкахъ, съ такими веселыми и ненаглядными и такими хмурыми и страшными лицами, и съ дѣдушкой въ красномъ мундирѣ.

Въ саду прощалась Оля съ недостроенными будками и съ сажелкой и съ прудомъ и со старыми лицами, яблонями, грушами, акаціями, подъ которыми игралъ дѣдушка, когда былъ маленький, и со всѣми бесѣдками, съ «философской бесѣдкой» въ особенности, гдѣ живеть эхо и, если покличешь, ну совсѣмъ, какъ ты, повторить твой кликъ, и съ оранжеряями и со статуями и съ любимыми цвѣтами: съ «уголкомъ въ огонькѣ», съ «растрапанными барышнями», съ астрами, съ махровой мальвой и розами.

Въ конюшнѣ прощалась со всѣми конями, въ хлѣву — со скотомъ, въ птичникѣ — съ птицею, въ дровотнѣ — съ дровами, гдѣ любила сидѣть вечеромъ подъ серебряной осокорью, въ возовнѣ и въ сараѣ — съ машинами и экипажами: съ бѣдой, съ чертопхайкой, съ шарабанами, съ трепыхталкой и съ трундулетомъ, на которомъ помѣщалось душъ двадцать, — заглянула на крышу сарая, гдѣ на одной ногѣ стоялъ аистъ, стерегъ Олино счастье, простились и съ аистомъ, подвернулся Кадо, и съ Кадо, охотничей рыжей собакой, и со всѣми дворнягами, черными и бѣлыми.

— Прощайте, — запыхавшись говорила Оля, — ванша Оля уѣзжаетъ въ гимназію.

И чудилось ей, всѣ отвѣчаютъ:

— Прощай Оля, пріѣзжай скорѣе.

— Пріѣду, пріѣду гимназисткой въ коричневомъ платьѣ съ чернымъ передникомъ.

Побѣжала за ворота къ церкви на цвінтаръ на могилу къ бабушкѣ, а съ цвінтара обратно черезъ клубнику въ клуню, — тянулись къ клуню возы съ хлѣбомъ, шумѣла молотилка, — взяла зерна полныя горсти, стала среди двора противъ дома съ бѣлыми башнями, оглянула далеко вокругъ, высоко подбросила зерна — и въ закатѣ золотыми, какъ пчелы золотыя, понеслись они къ небу и синимъ дождемъ осыпали Олю.

И казалось, сама печь, стѣны дома стали за Олю.
— Прощай, Оля, пріѣзжай скорѣе.

*

Оля крѣпкая дѣвочка, рослая, краснощкая, коса у ней свѣтло-русая, а брови густыя и черныя, точно начерненныя. Въ первый день въ гимназіи проходу ей не давали и трогали-то за щеки и тискали и тормощили, но ее занимали вѣшалки — ихъ въ приходѣ было такъ много и такъ чудно можно было по колышкамъ рукой проводить съ конца на конецъ.

Прасковья Ивановна Пѣнкина, начальница пансиона, куда отдали жить Олю, напротивъ, съ первого же дня возненавидѣла Олю.

Тощая, стриженая, зеленая, вся какая то застарѣлая, начальница то и дѣло шпыняла Олю.

Оля уроки приготовляла скоро и возни съ ней никакой не было, но всякий разъ, какъ Оля входила въ классную комнату, гдѣ занимались другія дѣвочки, начальница выгоняла ее:

— Иди вонъ, корова!

Или призывавъ къ себѣ, начинала допрапливать, чѣмъ Оля себѣ зубы чистить, отчего они у ней такие бѣлые, и когда Оля отвѣчала, чтоничѣмъ не чистить, снова выгоняла ее:

— Иди вонъ, корова!

Олю очень обижало, что ее такъ называютъ, и не любила она Прасковью Ивановну.

Обиду Оля чувствовала остро.

Въ Ватагинъ однажды Оля и старшая сестра Ирина пошли гулять съ управляющимъ въ лѣсъ. По пути пришлось перелѣзать черезъ изгородь. Ирина быстро перелѣзла, а Оля — тогда еще совсѣмъ маленькая — карабкалась-карабкалась и не можетъ.

— Такой пузырь маленький, а туда же лѣзть! — смѣялся управляющій и, взявшись на руки, перенесъ.

Олю это такъ обидѣло, цѣлую недѣлю пропла-кала, но ни за что не хотѣла сказать, о чёмъ пла-четъ.

Впослѣдствіи обида выражалась у Оли совсѣмъ по другому, — не въ молчаливыхъ слезахъ.

Но теперь даже и молчаливыхъ слезъ не было, Оля старалась избѣгать Прасковью Ивановну. Мно-го чего было такого занимательнаго въ этомъ пан-сионѣ, и обида какъ-то забывалась.

По субботамъ около десяти, когда гимназистки укладывались спать, у Прасковы Ивановны Пѣнки-ной собирались гости.

Гости были все свои люди, по преимуществу учи-теля, учительницы и класныя дамы Покидошенской женской гимназіи. Всѣ они размѣщались въ залѣ, одна изъ дверей которой выходила въ комнату, гдѣ спали гимназистки младшаго класса.

Кровать Оли стояла какъ разъ у этой двери и обыкновенно по субботамъ Оля не спала до тѣхъ поръ, пока не расходились гости, и ей всегда каза-лось ихъ такъ много, негдѣ яблоку упасть.

Въ числѣ гостей былъ и любимый Яковъ Степа-новичъ Феоѳилактовъ, учитель физики и геогра-фіи съ одной губой и раздвоеннымъ носомъ, разска-зывавшій такъ же весело, какъ и въ классѣ, про свои путешествія по Россіи съ пріятелемъ знающимъ, и самый страшный учитель — историкъ Филимонъ Петровичъ Кураповъ-Талтыга, говорившій при встрѣчѣ съ дамами неизмѣнно: «съ почтеніемъ, съ уколеніемъ!» на манеръ щеголеватаго лавочнаго

«здравствуйте, пожалуйста!» ходового у Покидо-шенскихъ приказчиковъ, и гроза гимназіи Катерина Федоровна, заставлявшая рѣшать задачу съ конца и ставившая нотабены, и три классныя дамы: Марья Петровна, Марья Димитревна, Марья Терентьевна — сухія и зеленые, чѣмъ-то напоминавшія и начальницу гимназіи Марью Ивановну и начальницу пансиона Прасковью Ивановну, хотя ни разу въ разговорахъ ни о какомъ родствѣ ихъ между собой ничего не упоминалось, затѣмъ батюшка законоучитель Аристотелевъ, про которого говорилось, что послѣ открытія мощей въ Покидошѣ, онъ на мощахъ себѣ домъ построилъ, какъ говорилось про знаменитаго въ Покидошѣ дантиста, что тотъ на покидошенскихъ зубахъ себѣ домъ построилъ.

Иногда приходилъ и другой батюшка Свободинъ — законоучитель въ младшихъ классахъ. Этого батюшку въ гимназіи любили, а въ городѣ не иначе называли, какъ Іовъ Многострадальный.

Въ одну зиму умерла у батюшки жена и сынъ отъ скоротечной чахотки, а весной утонула младшая дочь. Да при этомъ такая путаница вышла — нѣхорошо: за суматохой не разобрать, кто утонула — купались-то двѣ батюшкины дочери, и какъ полѣзли въ рѣку искать, побѣжалъ кто-то къ батюшкѣ и сказалъ, что утонула старшая Катя — одноклассница съ Олей. А немногого погодя приходить Катя домой, правда одѣта странно: въ одной рубашкѣ и въ шляшкѣ, но онъ на это ужъ не посмотрѣлъ, очень обрадовался, словно изъ мертвыхъ воскресъ, подумалъ, никто не утонулъ — спутали, а тутъ младшую выловили и несуть въ домъ уже мертвую. Оля была на похоронахъ, видѣла, ой, какъ страшно: итти ужъ батюшка не могъ, а ползъ на четверенькахъ за гробомъ и всю дорогу отъ дома до церкви и потомъ отъ церкви до самаго кладбища — такъ ползкомъ.

Батюшка Свободинъ тихій, его и не слышно, это вотъ Топтыга Филимонъ Петровичъ историкъ — и

не голосъ у него совсѣмъ, а какой то чугунъ литейный.

А самымъ важнымъ и желаннымъ, но и рѣдкимъ гостемъ былъ учитель словесности Павелъ Николаевичъ Соловьевъ. Если Якова Степановича любили, а Филимона Петровича боялись, то Павла Николаевича обожали и не только старшія гимназистки, которымъ онъ преподавалъ словесность, но и младшія — по наслышкѣ.

Цѣлыхъ трехъ Павловъ Николаевичей можно было бы сдѣлать изъ одного Якова Степановича, притомъ деликатенъ — на учителя даже не похожъ, обращался къ гимназисткамъ не иначе, какъ называя каждую «госпожа такая-то», золотыя очки, носикъ съ задоринкой вверхъ, усы и колышкомъ бородка, никогда не ловилъ, никогда не доносилъ, а высшее негодованіе свое выражалъ лишь замѣчаніемъ:

— Вы, право, пишете сочиненія, какъ кухарки.

А попадись Филимону Петровичу любое изъ сочиненій, вызывавшее лишь замѣчаніе Павла Николаевича, да что бы Филимонъ Петровичъ на его мѣстѣ сдѣлалъ?

Вотъ сочиненіе семиклассницы Нади Воробьевой: въ чёмъ выражается дружба между товарищами?

«При разлукѣ друзья обыкновенно умираютъ или сходятъ съ ума. Это случается между друзьями молодыми и притомъ разнаго пола. Это называется увлеченіе. Если оно долго не проходить, то называется любовью. Конецъ.

Да отъ Филимона Петровича, конечно, пришелъ бы конецъ — ужъ попало бы да не въ одну, а на всѣ четыре четверти единица да съ такимъ вотъ усищемъ.

Павелъ Николаевичъ никакого такого усилия не зналъ и ставилъ тройку съ тремя минусами и около минусовъ точку, но такъ нѣжно, что самъ другой разъ при выводѣ за пятерку принималъ.

Лиць только появлялся Павелъ Николаевичъ на вечерѣ, и въ пасіонѣ подымался щебеть: щебетали вокругъ него и ластились, какъ къ идолу, и классные дамы тѣ три сухія и зеленые и сама Прасковья Ивановна. И откуда такие голоса брались — переливные, перепелиные, ни въ класной, ни въ гимназіи ничего подобнаго не было слышно даже по праздникамъ, — обыкновенный классный голосъ извѣстно: изъ души хриплый съ визгомъ, а тутъ, подиже ты!

*

Вечеръ открывался самоваромъ, шили чай, разговаривали, потомъ садились играть въ карты, потомъ ходили по комнатѣ парами или бѣгали изъ угла въ уголъ, — такъ представлялось Оль за дверью.

А на самомъ дѣлѣ, послѣ второго или третьяго самовара и закуски танцovalи и играли въ фанты, и въ почту. Когда же приходилъ Павелъ Николаевичъ, весь порядокъ мѣнялся: Павелъ Николаевичъ пѣлъ романсы.

За дверью въ комнатѣ, гдѣ спали гимназистки, гѣніе слышно было отчетливо, но гимназисткамъ хотѣлось не только гѣнія послушать, что пѣніе! — посмотретьъ, какъ поетъ Павелъ Николаевичъ, вотъ чего добивались.

Въ одну изъ субботъ разнесся слухъ, что на вечерѣ непремѣнно будетъ Павелъ Николаевичъ. И рѣшено было не спать, хоть всю ночь, а дождавшись удобной минуты, во время пѣнія пріотворить дверь въ залъ.

Кровать Оли представляла самое подходящее мѣсто для наблюденій и, когда послышалась музыка, Оля, стоя на кровати и упираясь руками въ дверь, тихонько толкнула ее отъ себя — дверь пріоткрылась, и щелка пришла какъ-разъ противъ Павла Николаевича.

Павелъ Николаевичъ держалъ въ одной рукѣ ноты, другой поправлялъ воротничокъ — готовился начинать.

А въ то время, какъ Павелъ Николаевичъ заѣль —

подъ душистою вѣткой сирени
съ ней сидѣлъ я надъ сонной рѣкой...

— сзади на Олю стали такъ напирать, такъ тѣснить и давить ее, что руки ея, упиравшіяся въ дверь, не выдержали — дверь распахнулась, и Оля вылетѣла въ залъ.

Что только было! — и Прасковья Ивановна и всѣ три класныя дамы — Марья Петровна, Марья Димитриевна, Марья Терентьевна сначала-то остолбенѣли и на время — къ счастью — языка лишились: вѣдь Оля вылетѣла въ залъ въ одной сорочкѣ — срамъ то какой!

Задали крѣпко Оль.

*

Въ пансіонѣ Прасковы Ивановны Пѣнкиной Оля прожила свой первый гимназическій годъ.

Самыми радостными днями и за этотъ годъ и за другіе гимназическіе годы былъ для Оли пріѣздъ отца: Александръ Павловичъ пріѣзжалъ въ Покидошъ на выборы.

Обыкновено утромъ до гимназіи, только-только

еще съ постели подымутся, завидить Оля подъѣзжающій экипажъ, голубой околышъ и николаевскую шинель отда, все бросить — всѣ свои книги, побѣжить встрѣтить. И цѣлуетъ, не даетъ раздѣться, обнимаетъ своими маленькими, еще горячими со сна, руками — такъ рада, чутъ не плачетъ отъ радости.

А онъ ей корзиночку изъ дома, а въ корзиночкѣ курица, маковники на меду, варенье, пастила.

— Котикъ мой, — скажетъ, — какая ты у меня большая ужъ, не по годамъ ростешь, а по часамъ, — и улыбнется.

И Олѣ становится еще веселѣе: не знаетъ, что и рассказывать, и корзиночку посмотрѣть скорѣе хочется, что въ ней заключается.

Незадолго до роспуска на лѣтнія каникулы пріѣхала изъ Ватагина Наталья Ивановна и, узнавъ о пансионской жизни Оли, осталась очень недовольна порядками — Олю пришлось остричь подъ гребенку — такая была всюду грязь и никакого присмотра.

*

На слѣдующій годъ Олю отдали ужъ не въ пансионъ, а къ знакомымъ — Берсеневымъ.

Берсеневы — Покидошенскіе старожилы и самъ Берсеневъ одно время занималъ очень важную должность, но потомъ вышелъ въ отставку. Соня Берсенева — одноклассница Оли да къ тому же вмѣстѣ учились музыкѣ у одной учительницы, и Олѣ хотѣлось жить со своей подругой.

Если въ пансионѣ Пѣнкиной было и не совсѣмъ ладно — а будь Прасковья Ивановна хоть чуточку поласковѣе, Оля, пожалуй, и привыкла бы, — у Берсеневыхъ напротивъ все было хорошо, одно — жутко.

Странный человѣкъ былъ самъ Берсеневъ — отецъ Сони, а домъ Берсеневыхъ непростой.

Про домъ въ городѣ ходили слухи, что домъ нечистый и, что какъ только его покупали, непремѣнно кто-нибудь изъ семьи владѣльцевъ умиралъ. Обыкновенно такие дома пустуютъ и легко переходять изъ рукъ въ руки первому же покупателю. Берсеневы купили домъ очень дешево.

Семья Берсеневыхъ состояла изъ отца и двухъ дочерей: старшая Ная, уже взрослая, занималась хозяйствомъ, младшая Соня гимназистка, былъ и еще сынъ и дочь, но тѣ жили въ Петербургѣ.

Странность самого Берсенева выражалась въ томъ, что послѣ смерти своей жены онъ ни слова не говорилъ съ дѣтьми, съ другими же съ посторонними, хотя бы съ той же Олей, разговаривалъ и даже шутилъ.

Ная и Соня, кстати очень съ лица похожія на отца, къ этому привыкли, и установился особый способъ объясненія.

Такъ, когда Соня затѣвала устроить у себя вечеръ, она подходила къ отцу и просила позволенія пригласить гимназистокъ и, не дождавшись отвѣта, уходила въ свою комнату. Если на утро на рояли лежали конфеты, фрукты, закуска — это значило, что отецъ разрѣшаетъ.

За обѣдомъ и за чаемъ онъ сидѣлъ молча и такъ, будто ихъ не только не было за столомъ, но вообще они не существовали на свѣтѣ, а между тѣмъ случайно промелькнувшее въ разговорѣ сестеръ желаніе предупредительно исполнялось имъ. Какъ-то за чаемъ, болтая съ Олей о нарядахъ, Соня размечталаась о тепломъ коричневомъ джорсѣ, которое она не премѣнно положила себѣ купить, какъ только у ней заведутся деньги, — на другой же день утромъ на рояли лежало теплое коричневое джорсѣ.

Когда старшая Ная рѣшила выйти замужъ и попросила отца благословить ее, онъ и тутъ не сказалъ ни слова, только захмыкаль носомъ, — а на утро на рояли лежали двѣ иконы, свѣчи и деньги.

Большими глазами смотрѣла Оля на странная

объясненія отца съ дѣтьми, но потомъ освоилась, перестала замѣчать, но того, что творилось въ домѣ, Оля никакъ не могла не замѣчать.

Половицы старого паркета не всѣ, но нѣкоторыя и какими-то кругами особенно поскрипывали даже днемъ, и отъ этого скрипа тянуло за душу, а на рояли, если его забывали закрыть на ночь, кто-то тихо игралъ, да какъ тихо! — отъ этой тихой игры становилось тоскливо, мѣста не найти отъ тоски, куда ужъ спать.

Оля и Соня, передъ тѣмъ, какъ ложиться, окрещивали и завѣшивали всѣ зеркала: что-то непріятное было въ зеркалахъ, какой-то свѣтъ наполненности и ужъ, конечно, страшно.

Всего нѣсколько мѣсяцевъ пришлось прожить Оль въ этомъ нечистомъ домѣ хорошей, но странной семьи. Внезапно умерли и сынъ и дочь Берсеневы, жившіе въ Петербургѣ, и домъ за безцѣнокъ сей-часъ же продали.

Наталья Ивановна вмѣстѣ съ младшей Леной перѣхала въ Покидошь, наняла квартиру и мѣсяцъ Оля прожила съ матерью. Однако, очень скоро Наталья Ивановна вынуждена была вернуться въ Ватагино, а Оля переселилась въ пансіонъ двухъ нѣмокъ — Паулины Викентьевны и Розаліи Викентьевны Линде.

Пансіонъ Линде образцовый, Паулина Викентьевна и Розалія Викентьевна дамы почтенные.

Паулина Викентьевна замужняя, Розалія Викентьевна — барышня. Обѣ на одно лицо, обѣ крошечныя, сутуловатыя, съ необыкновенно длинными носами и необыкновенно маленькими дѣтскими губами, обѣ въ мелкихъ, какъ паутинка, тонкихъ за-вивающихся морщинкахъ, а на головѣ у каждой по

черной кружевной наколкѣ. Разница между ними только въ томъ, что Паулина Викентьевна, хоть и отдаленно, но имѣла нѣкоторое право носить дамскій нарядъ, Розалія же Викентьевна, если и носила, и говорять, за сорокъ лѣтъ носить, то по существу недоразумѣнію.

У Паулины Викентьевны три сына и всѣ необыкновенно рослые — прямо подъ потолокъ: старшіе двое — докторъ и студентъ жили въ Петербургѣ и лишь наѣзжали къ матери въ Покидошь, младшій же служилъ въ губернаторской канцеляріи и находился при матери въ пансионѣ.

Доктора и студента гимназистки любили: въ случаѣ недоразумѣній и докторъ и студентъ всегда заступались. А младшаго — канцеляриста не любили и называли шпіономъ: канцеляристъ доносилъ матери и теткѣ, когда, напримѣръ, гимназистку провожалъ изъ гостей въ пансионъ какой-нибудь гимназистъ и, хотя гимназистки находили увертку, говоря, что провожалъ вовсе не гимназистъ, а лакей съ серебряными пуговицами, все таки бывали непріятности.

Паулина Викентьевна не разъ и не два заявляла:

— Я была хорошенькая, а Розалія Викентьевна просто красавица.

— Нѣтъ, я была хорошенькая, а Паулина Викентьевна просто красавица! — непремѣнно возражала Розалія Викентьевна.

Паулина Викентьевна ни за что не соглашалась, подымался споръ и весь пансионъ помиралъ отъ хота.

Разговорчивость нападала на Паулину Викентьевну и Розалію Викентьевну по большей части за обѣдомъ, и онѣ охотно дѣлились своими воспоминаніями.

— Однажды мы были на балу съ Розаліей Викентьевной, — разсказывала Паулина Викентьевна, — и такъ какъ мы поздно прѣѣхали на балъ, а нась ждали, то кавалеры захотѣли намъ за это отомстить,

и никто насъ не пригласилъ танцевать, тогда мы взялись другъ съ дружкой и стали танцевать. Это было такъ мило, что всъ кавалеры бросили своихъ дамъ и пошли танцевать съ нами.

— Ахъ, это было такъ мило, такъ мило, Боже мой, какъ мило! — ужъ хоромъ повторяли нѣмки.

Кто-то пустилъ слухъ, будто Паулина Викентьевна и Розалія Викентьевна ходятъ въ резиновыхъ юбкахъ.

Много объ этомъ было разговору, но еще больше гадали: какія такія могутъ быть резиновыя юбки — такія ли, какъ калоши или какъ мячикъ? — всѣмъ хотѣлось посмотреть эти резиновыя юбки, но какъ посмотришь, если нѣмки не только что въ этихъ резиновыхъ юбкахъ, даже безъ своихъ кружевныхъ черныхъ наколокъ никогда не показывались въ комнатахъ передъ гимназистками — нѣмки къ себѣ аккуратныя, нѣмки порядокъ любятъ.

Но вотъ однажды, укладываясь спать, гимназистки подняли возню, Паулина Викентьевна и Розалія Викентьевна, не зная, что и думать, забывъ всякий порядокъ, неодѣтыя бросились въ комнату, и что же? — у каждой — это сразу всъ, и не смотрѣвши, замѣтили — было по самой настоящей резиновой юбкѣ.

— Смотрите, да онѣ и танцевали въ этихъ юбкахъ! — кричала отъ удовольствія Оля.

«Ахъ, это было такъ мило, такъ мило, Боже мой, какъ мило!» — вспоминались слова нѣмокъ и ужъ ночь въ пансіонѣ не спали, надрываясь отъ смѣха.

Раза три въ году пріѣзжалъ въ Покидошъ пасторъ и тогда Паулина Викентьевна и Розалія Викентьевна исчезали изъ пансіона.

Кто-то сказалъ, что когда пасторъ служить, нѣмки поютъ.

И это показалось, куда смѣшнѣе резиновыхъ юбокъ: чѣмъ-то такимъ уморительнымъ и невозмож-

нымъ, какъ если бы батюшка Аристотелевъ пере-
одѣлся въ офицера.

Нѣмки крохотны, тощи, горбаты, носаты и ужъ
никакія пѣвицы, а у батюшки брюшко — пузыремъ,
губы осметки, нось башмакъ и при разговорѣ манера
— подбирать свои губы, чтобы не было видно ни од-
ного зuba — хорошъ офицеръ!

И хотели въ гимназіи во время урока, хотели
въ пансіонѣ за урокомъ и на прогулкѣ и въ церкви
такъ вдругъ ни съ того, ни съ чего при одной мысли
о поющіихъ нѣмкахъ и батюшкѣ — офицерѣ.

У нѣмокъ — свободно. Уйти изъ пансіона погу-
лять по улицѣ можно было безъ всякихъ и въ лю-
бое время.

Одна изъ гимназистокъ выбѣгала за дверь и зво-
нила, а другая гимназистка заявляла Паулинѣ Ви-
кентьевнѣ или Розаліи Викентьевнѣ, будто пришла
за ней горничная, ну и отпускали. Такъ выходили
гимназистки гулять совсѣмъ не въ урочное время,
а такія прогулки были верхъ счастья.

Весело, свободно — всѣмъ хорошо у нѣмокъ,
только кормили не очень, и часто гимназистки тас-
кали изъ буфета черный хлѣбъ, а за чаемъ уписывали
простую французскую булку съ такимъ вкусомъ,
всѣ челюсти трещали. Но ужъ тутъ ничего не подѣ-
лаешь: пансіонъ не домъ.

— Ты сожми булку и ъешь, и думай, что тамъ
сыръ, а когда наѣшься, думай, что тамъ халва, —
научала голодную Олю шестиклассница княжна
Шахъ-Будатова.

И Оля слушалась: изо всѣхъ силь сжимала бул-
ку и ъла, — старалась думать, что тамъ сыръ, а ког-
да съѣдала булку, старалась думать, что тамъ халва.

И наука шла въ прокъ.

Къ Оль нѣмки относились хорошо, только поче-
му-то вообразивъ, будто брови у Оли не настоящія,
нѣть-нѣть да и дѣлали ей замѣчаніе, чтобы она ихъ

не красила. И хотя Оля муслила себѣ палецъ и во-
дила себѣ по бровямъ и палецъ оставался соверше-
но чистымъ, — нѣмки не вѣрили.

*

Олю тянуло къ большимъ и она постоянно тер-
лась въ комнатѣ, гдѣ занимались старшія гимна-
зистки.

Двѣ гимназистки шестиклассницы еще съ перва-
го класса очень нравились Олѣ: Вѣра Сахарова и
княжна Шахъ-Булатова.

Вѣра Сахарова высокая, здоровая, но такая
блѣдная — совсѣмъ бѣлый мраморъ, огромные чер-
ные глаза и черные гладко-зачесанные волосы, —
Оля называла ее красивой.

Княжна Шахъ-Булатова розовая, чернобровая
съ золотыми вьющимися волосами, большие голубые
глаза и необыкновенно длинныя рѣсницы, вся тон-
кая, — Оля называла ее красавицей.

Въ первые гимназическіе дни, встрѣчая княж-
ну, Оля улыбалась ей, посыпала поцѣлуи и разъ
спросила, какъ ее звать, но княжна ничего не от-
вѣтила, за нее сказала Вѣра Сахарова, что зовутъ
княжну Марья Александровна.

— Марья Александровна княжна Шахъ-Була-
това, — послѣ повторяла Оля и на запотѣломъ стек-
лѣ выводила пальчикомъ:

M A K I

Однажды, возвращаясь отъ вечерни въ пансіонъ,
Оля встрѣтила странника. Странникъ остановилъ
Олю и далъ ей бѣлый кругленькій камушекъ «Бого-
родицу слезу» и молитву «Сонъ Богородицы».

— Если припишешь къ молитвѣ задуманное, —
сказалъ странникъ, — и молитву всегда при себѣ
носить будешь, задуманное исполнится.

Вечеромъ же въ пансионѣ — это было еще у Пра-
сковыи Ивановны Пѣнкиной, — Оля переписала мо-
литву черезъ синюю перводную бумагу, а сдѣлала
она такъ потому, что синій цвѣтъ буквъ имѣлъ по
ея мнѣнію какое-то совсѣмъ особенное значеніе. Къ
этой синей молитвѣ — къ «Сну Богородицы» си-
нимъ же приписала и свое желаніе:

«Господи, сдѣлай меня какъ княжна Шахъ-Бу-
латова!»

А приписывая желаніе, представляла себѣ Вѣру
Сахарову — красивую и княжну Шахъ-Булатову —
красавицу и еще какъ-то само собой думала и о са-
мой умной — о своей первой учительницѣ Софѣѣ
Евдокимовнѣ, дочери Ватагинскаго батюшки о. Ев-
докима. Потомъ зашила молитву въ ладонку, надѣ-
ла на шею и стала ждать, что будетъ.

Долгая прошла недѣля. Въ субботу Оля спроси-
ла у одной гимназистки, не замѣчаетъ ли она въ ней
какой перемѣны?

— Нѣть, — отвѣтила гимназистка, — никакой
перемѣны не замѣтно.

— Ни въ чёмъ?

— Такая же.

«Вѣра Сахарова красивая, — подумала Оля, —
княжна Шахъ-Булатова красавица, ну и пускай бу-
детъ одна красивой, другая красавицей!» — и сняла
съ груди ладонку.

Вѣра Сахарова и княжна Шахъ-Булатова — са-
мая отчаянная, самая оголтѣлая — отпѣтыя во
всемъ пансионѣ. По воскресеньямъ къ нимъ то и дѣ-
ло приходили въ гости гимназисты. И хотя хорошо
было извѣстно, что княжна изъ Москвы, гдѣ жи-
вутъ ея отецъ и мать, и что въ Покидошѣ кромѣ ста-
рой бабушки у ней нѣть никого, все-таки какіе-то
братья появлялись и торчали въ пріемной комнатѣ
весь день, пока нѣмки не выкуривали ихъ да и то

съ помощью «Марша русскихъ добровольцевъ». Въ приемной стояло панино и туда-то посыпалась одна изъ младшихъ гимназистокъ, гимназистка должна была играть этот «Маршъ русскихъ добровольцевъ», и тогда само собой гимназисты отправлялись по домамъ.

— Послушайте, — сказала какъ-то Паулина Викентьевна княжнѣ Шахъ-Булатовой, когда ужъ видно подозрѣніе взяло верхъ надъ добродушемъ, довѣрчивостью и деликатностью нѣмки, — вашъ братъ то блондинъ, то брюнетъ, то шатенъ?

— Очень просто, — нашлась княжна, — утромъ онъ шатенъ, въ полдень блондинъ, а вечеромъ — брюнетъ.

Не всегда кончалось такъ просто. Бывали случаи, что безъ вмѣшательства старшихъ сыновей Паулины Викентьевны — доктора или студента — дѣло не обходилось. Только и докторъ и студентъ — и очень хороши, но медвѣди каки-то неповоротливые.

По доносу ли младшаго сына — канцеляриста или по собственнымъ наблюденіямъ, скорѣе всего по доносу, Паулина Викентьевна послѣ «Марша русскихъ добровольцевъ» вызвала Вѣру Сахарову и сдѣлала ей строгій выговоръ, запрещая впредь принимать только что ушедшаго брата-гимназиста, такъ какъ онъ совсѣмъ ей не братъ.

Вѣра Сахарова на дыбы — заспорила, Паулина Викентьевна вышла изъ себя — загорячилась. Поднялся крикъ. И Вѣра Сахаровой пришлось уступить и сознаться.

На крикъ прибѣжалъ докторъ да до конца-то, должно быть, не дослушавъ, вступилъ:

— Повѣрьте, — сказалъ онъ матери, — ручаюсь, это дѣйствительно братъ, я самъ видѣлъ собственными глазами, какъ они на прощанье поцѣловались.

И опять поднялся крикъ теперь ужъ изъ-за поцѣлую.

На прогулкахъ Вѣра Сахарова въ парѣ съ княжной Шахъ-Булатовой — въ самомъ хвостѣ, а за ними еще цѣлый хвостъ гимназистовъ. Съ гимназистами разговаривать во время прогулокъ не разрѣшается, но Вѣра Сахарова всегда разговариваетъ. Пробовали дѣлать замѣчаніе, не слушаетъ. И стали оставлять ее одну въ пансіонѣ, лишивъ всякой прогулки.

Тутъ-то вырывалось вонъ наружу все неистовство этой взбалмошной бѣлой, какъ бѣлый мраморъ, гимназистки: сумасшедшая бѣгала она по комнатѣ, швыряла чѣмъ попало такъ ни въ кого, хлопала дверьми и ругала нѣмокъ на чѣмъ свѣтъ стоитъ.

Такъ какъ нѣмки по русски не все понимали, то употреблялись выраженія не то чтобы нецензурныя, а все таки и непечатныя, а чѣмъ дальше, тѣмъ крѣпче, тѣмъ ругательнѣе.

Упади всѣ ругательства на нѣмокъ и отъ бѣдныхъ нѣмокъ ничего бы не осталось — такъ какая-нибудь кашница.

Вѣбалмошная, любила Вѣра Сахарова потѣшаться и изводить младшихъ гимназистокъ: возвѣтъ выхватить у какой-нибудь изъ подъ носа книжку или потихоньку спрятать — и ходить та, зурить вѣдь, не по чѣмъ, просить отдать, нѣть, ни за что не отдастъ, и только утромъ, когда ужъ въ классъ итти, подсунетъ.

И Вѣра Сахарова и княжна Шахъ-Булатова любили Олю и никогда отъ себя не выгоняли изъ своей комнаты. Оля говорила имъ «вы», онѣ Олѣ «ты», а иногда «ты-Сова» за ея большія сѣрые глаза.

Въ пансіонѣ всѣмъ было извѣстно, что Оля очень способная и первая ученица. Зная сообразительность Оли, Вѣра Сахарова и княжна Шахъ-Булатова экзаменовали ее по русской грамматикѣ, причемъ задавали ей такие вопросы, правильный отвѣтъ на которые волей-неволей, а попадаешь въ чи-сло непечатныхъ словъ, употребляемыхъ въ сердцахъ самой Вѣрой Сахаровой.

И Оля улыбалась, глядя на неистовую бѣлую, какъ бѣлый мраморъ, гимназистку «красивую» и на задорную золотую княжну «красавицу», и ей было весело.

4

Изъ сверстницъ въ пансионѣ Оля сблизилась съ одноклассницей Мариной Завѣтновской.

Съ виду Марина — противоположность Оли: маленькая, блѣдненькая и худенькая, но въ чёмъ-то такая же насторожившаяся, какъ и Оля. Онѣ вмѣстѣ скакали по залѣ на перемѣнахъ, вмѣстѣ устраивали разныя продѣлки въ гимназіи и въ пансионѣ, а разъ во время танцевъ, стоя визави, взяли да и поцѣловались, и отбывали за этотъ поцѣлуй общее наказаніе, а учительница рукодѣлья, она же и классная дама, по прозванію Цапля, не любившая ни Олю, ни Марину, выражалась про нихъ просто:

— Два экземпляра.

И какъ нарочно эта самая Цапля, слѣдившая на улицахъ за гимназистками, рѣдко не попадалась Оль и Маринѣ, когда тайкомъ выходили онѣ погулять изъ пасиона.

— Куда идешь? — останавливалась Цапля.

— За тетрадкой.

— На лицѣ должно быть написано, что идешь за тетрадкой, — читала нотацію Цапля, — итти надо быстрымъ, скорымъ шагомъ.

Марина Завѣтновская — особенно, но такъ Оля дружила со всѣмъ своимъ классомъ, хотя тетка Марья Петровна Вольская и указывала гимназистокъ, съ которыми Оля не должна дружить, потому что онѣ ей не ровня.

— Теперь еще ничего, — слышала Оля, какъ говорила тетка Наталья Ивановна и въ Ватагинѣ и въ Покидошѣ, — а когда выростутъ, въ нѣкоторыхъ

домахъ Олъ бывать неприлично, вотъ хотя бы у Рогачевыхъ — м-ме Рогачева живеть съ прокуроромъ, или у Сабуровыхъ — у нихъ гостинница!

И Олю къ нѣкоторымъ гимназисткамъ не пускали. Но какъ разъ къ нимъ-то и ходила Оля: она просилась у нѣмокъ отпустить ее къ тѣмъ, къ которымъ пускать разрѣшалось, а сама шла къ отверженнымъ.

Въ числѣ отвергнутыхъ теткой оказалась и Марина Завѣтновская, такъ какъ отецъ ея былъ актеръ заѣзжей труппы, игравшей второй сезонъ въ Покидошенскомъ городскомъ театрѣ.

*

Городъ Покидошъ, воспѣтый мѣстнымъ поэтомъ, скромно пожелавшимъ остаться неизвѣстнымъ, въ нѣкоторомъ родѣ праматерь городовъ русскихъ — колыбель Россіи.

Покидошъ — городъ древній
Построенъ на рѣкѣ Смургѣ
Притомъ же съ пристанью отмѣнной . . .

Въ Покидошѣ, гдѣ городской голова, при открытии памятника знаменитому русскому писателю, заявилъ въ своей рѣчи Покидошенскимъ жителямъ, что памятникъ стоить такихъ-то и такихъ-то большихъ денегъ и потому надо беречь его, какъ святыню, а на скверѣ будочникъ отгонялъ глазѣющіхъ на памятникъ, говоря: «Проходите, тутъ смотрѣть нечего!» — гдѣ чудакъ-губернаторъ самъ себѣ воздвигъ на соборной площади мраморный обелискъ съ перечисленіемъ всѣхъ заслугъ своихъ губерній, а около красовалась на столбикѣ надпись: «Скор-

лупъ подсолнечныхъ и другихъ фруктъ бросать во-
спрещается», гдѣ полицмейстеръ наканунѣ луннаго
затмѣнія приказомъ объявлялъ населенію, чтобы
зря не смотрѣли на небо, если будетъ облачно, гдѣ
батюшки каждый разъ добродушно извинялись,
предлагая пирогъ съ яичной начинкой, совсѣмъ не-
двусмысленной, если принимать вещи безъ задней
мысли, гдѣ изстари ловился какой-то таинственный
разбойникъ, если не Соловью, то Савицкому и Лбову
по отвагѣ нисколько не уступавшій, гдѣ строили
дома на мощахъ, на зубахъ и на предметахъ еще бо-
льше деликатныхъ, гдѣ на пожарной каланчѣ давно
уже не ходилъ старикъ — часовой, а только вся-
кому по привычкѣ казалось, что ходить, гдѣ въ по-
жары били въ набатъ и собирался весь городъ, какъ
въ церковь на Пасху, гдѣ барышни почти поголовно
открывали въ себѣ артистической талантъ и вдругъ
хотѣли сдѣлаться актрисами, гдѣ на вечерахъ,
когда чудакъ подымалъ вопросъ важный и глубокій,
пожалуй и неумѣстный, въ отвѣтъ ему раздавался
этакій здоровый обезьянскій россійскій хохотъ, и
гдѣ, наконецъ, въ казенномъ саду по веснѣ, напив-
шись росы съ молодого березового листа, такъ
тѣль соловей, что весь садъ дрожалъ; — все было
—на всѣ колѣна: и бульканье, и колыханье, и дробь,
и раскаты, и пленканье, и лѣшева дудка, и кукуш-
кинъ перелеть, и гусачекъ, и юлиная стукотня, и по-
чинъ, и оттолочка, всѣ свисты, всѣ трели, всякая
стукота, — въ тихомъ, мирномъ и пыльномъ Поки-
дошѣ Марья Петровна Вольская играла не послѣд-
нюю роль.

Мужъ Мары Петровны Вольской — дядюшка Оли — отставной капитанъ, получавшій огромную пен-
сію заувѣчье: одинъ глазъ у дядюшки былъ не свой,
а вставной — фарфоровый. Глаза дядюшка лишил-
ся въ турецкую кампанію: возвращаясь какъ-то до-
мой съ Покидошена праѣдника, устроенного го-
родомъ по случаю получения какихъ-то важныхъ
военныхъ извѣстій, онъ свалился съ извозчика

и такъ повредилъ себѣ глазъ, ровно бѣ пуля въ него засѣла.

Сама Марья Петровна, хлопотавшая въ свое время о пенсіи, увѣряла, что вовсе не пуля, а семьдесятъ семь турецкихъ разрывныхъ гранатъ.

А за Марьей Петровной и весь Покидошъ, передавая и надо и не надо эту злополучную исторію дядюшки съ извозчикомъ, всякий разъ добавлялъ:

— И семьдесятъ семь турецкихъ разрывныхъ гранатъ.

Дядюшка любилъ рассказывать о сраженіяхъ, какъ о морскихъ, такъ и о сухопутныхъ, часто вспоминалъ походы, битвы и штурмы крѣпостей. И Оля и двоюродная сестра Леночка — дочь дядюшки — съ большимъ вниманіемъ слушали его чудесные разсказы.

Марья Петровна — образцовая мать, примѣрная воспитательница.

Въ пять ужъ лѣтъ Леночки въ любое время даже со сна безъ запинки отвѣчала на три основные семейные вопросы.

- Кто твоя мама?
- Всезнайка.
- Кто твой папа?
- Всеумѣйка.
- А ты?
- Леночка.

И эти отвѣты приводили въ восторгъ весь Покидошъ, и все это было самая сущая правда.

Марья Петровна дѣйствительно все знала; всюду и вездѣ появлялась она на вечерахъ, на похоронахъ и свадьбахъ, — безъ нея не праздновали, не хоронили и не вѣнчали, даже и заболѣвать какъ-то ухитрялись при ней, ей до всего было дѣло, она обо всемъ хотѣла знать и обо всемъ говорила, и о всякомъ могла разсказать не только всю подноготную изъ прошлаго, но другой разъ и о будущемъ — что еще только предполагалось и далеко было отъ всякаго осуществленія. А дядюшка съ фарфоровымъ глазомъ

дѣйствительно умѣль удивительно ловко и тщательно склеивать разбитыя Леночкины куклы и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда сами кукольные мастера ни за какія деньги не соглашались и наотрѣзъ отказывались.

Много сама говорившая, Марья Петровна цѣнила выше всего то, что говорять. Послѣднимъ доводомъ, непрекаемымъ, стоящимъ виѣ всякаго сомнѣнія, являлось для нея это «говорять».

— Оля, что про тебя говорять! — объявляла тетка, покуривая папироску, и сейчасъ же передавала какой-нибудь такой Покидошенскій слухъ, который оставлялъ далеко за собой даже собственныя теткины увѣренія о семидесяти семи турецкихъ разрывныхъ гранатахъ, засѣвшихъ въ дядюшкѣ.

Когда прїѣзжала изъ Ватагина Наталья Ивановна и останавливалась у Вольскихъ, среди горохомъ пересыпаемыхъ покидошенскихъ новостей клиномъ врѣзалось въ разговоръ теткино «говорять».

— Представьте себѣ, Наталья Ивановна, Зина Раева ходить въ казенный садъ и у ней скоро будетъ ребенокъ.

— Этого не можетъ быть.

— Наталья Ивановна, го в о р я тъ!

Переходитъ, затягивается и снова:

— Представьте себѣ: Олѣ Богдановичъ прислала Лиза Шалаурова солдата съ письмомъ, а говорять, что самъ Шалауровъ прислалъ.

— Что вы, Марья Петровна?

— Наталья Ивановна, го в о р я тъ!

«Тетка все говорить неправду» — думала Оля, до которой нерѣдко долетали разговоры.

— Зачѣмъ вы говорите глупости и неправду? — загорѣвшись, ударила по столу Оля, но уже много позже, когда была въ седьмомъ классѣ, а теперь она только думала и замѣчала.

Чаю попить со сливками — любимое занятіе Мары Петровны, когда говорить уже нечего или не съ кѣмъ.

Оль и Леночки даётся чай съ молокомъ, а себѣ она подливаетъ сливокъ и чѣмъ гуще и жирнѣй сливки, тѣмъ добрѣе и мягче сердце, тѣмъ благодушнѣе расположеніе — а сама такая вся остренькая, какъ игла, и глаза маленькие, черненькие, какъ юлы подвижные, — и непостижимо, куда идетъ это густое и жирное добро — сладкие сливки.

У Мары Петровны обыкновенно останавливается Анна Павловна, посоль любимой бабушки.

Пользуясь благодушіемъ старой меженинской экономки, Оля а за ней и Леночка просятъ рассказать что-нибудь изъ прошлаго.

За чаемъ Анна Павловна соглашается.

— Когда я была молодая, я была замѣчательная красавица, — рассказывала Анна Павловна, — у меня были огромные голубые глаза, у меня были длинные волосы, я ихъ ботинками рвала, у меня были длинныя рѣсницы, отъ всего лица отставали, и у меня былъ поклонникъ Петръ Ивановичъ. Онъ разъ сталъ у меня за столомъ — Анна Павловна томно поникаетъ, — онъ говорить: «Анна Павловна!» Я ему говорю: «Что?». Онъ мнѣ говорить: «Вы видѣли пожаръ?» Я ему говорю: «Видѣла». Онъ мнѣ говорить: « Такъ вотъ на пожарѣ всякое пламя горитъ — горитъ и гаснетъ, но моя любовь къ вамъ, Анна Павловна, никогда не погаснетъ». Онъ мнѣ это говорить, а я сижу да съ рѣсницъ узелки вяжу.

Въ пансіонѣ Оля рассказала исторію съ рѣсницами Маринѣ Завѣтновской. У Маринѣ рѣсницы были очень маленькие, и захотѣлось Маринѣ точно такія имѣть, какъ у Анны Павловны, чтобы узелки вязать.

— Какаянибудь мазь продается, — сказала Оля, — помажешь этой мазью, и рѣсницы длинныя-предлинныя выростутъ.

И гдѣ же достать эту мазь и какая мазь: бѣлила? — нѣть; политань? — политанью только котовъ ма-

жуть. Много думали и долго думали и ничего не придумали. Обратились къ Вѣрѣ Сахаровой.

— Достать можно, — сказала Вѣра Сахарова и пообѣщала.

А дня черезъ три маленькая баночка съ какой то липкой дрянью, какъ драгоцѣнность, была въ рукахъ Оли и Маринѣ.

На ночь въ тотъ же день, не откладывая въ долгій ящикъ, Оля тщательно вымазала Марину. Градомъ текли слезы, чихала худенькая, блѣдненькая дѣвочка, и ужъ какъ ночь проспала, одному Богу извѣстно. А на утро, какъ стала мазь смывать, да смыла все — выпали и послѣднія рѣчи.

5

Оля — шалунья изъ первыхъ, о шалостяхъ Оли всѣ знаютъ и въ гимназіи — весь четвертый классъ и въ пансионѣ у нѣмокъ — всѣ пансионерки. Но пристальный глазъ распознаетъ, что живетъ Оля и еще какой-то жизнью, о которой другимъ ни словомъ не обмолвится.

Началась эта скрытая жизнь еще до гимназіи въ деревнѣ въ Ватагинѣ.

Не рѣдко, бывало, ставъ на одномъ мѣстѣ столбомъ, Оля выставила, не шлохнувшись, цѣлыми часами. Ну-ка, отгадайте, чего это она стоитъ столбомъ и все думаетъ, насторожилась вся — и покличешь, не сразу отзовется? Да ей Богу, никакая разгадка въ умѣ не придетъ.

Представляется? — Не до того! — Оля Страшнаго суда ждетъ.

Дважды снился Олѣ Страшный судъ.

Въ первый разъ приснилось ей, будто въ саду въ малинникѣ многое множество народу и всѣ стоять въ малинникѣ голова къ головѣ, а батюшка читаетъ — это и есть Страшный судъ.

Въ другой разъ приснилось, будто кто то во снѣ сказалъ ей:

— Завтра будетъ Страшный судъ.

Этотъ второй сонъ крѣпко легъ на душу Оли и она, тогда семилѣтняя дѣвочка, — теперь ей двѣнадцать — тревожилась не меныше любого взрослого.

Проснувшись, не завела ужъ глазъ: одинъ вопросъ изводилъ ее и не могла она рѣшить, какъ же понимать это «завтра»? Она себя спрашивала:

«Когда же — съ этого утра наступить Страшный судъ или только на слѣдующій день, завтра?»

И не могла рѣшить.

Все утро и весь день прошли въ ожиданіи. А тутъ случилось одно событие, само по себѣ невинное, а въ концѣ-то концовъ и безъ того охваченная тревогой Оля еще больше забеспокоилась.

Въ Ватагино пріѣхали двѣ сестрѣдскія дѣвочки Ліда и Аня Сахновскія. Оля, занимая подругъ, показывала имъ свои тетрадки: въ тетрадяхъ тонкими штрихами напечатаны были слова и буквы. Сама Оля писать еще плохо писала и, если бы стала обводить перомъ по напечатанному, для чего собственно и предназначались тетрадки, вышло бы очень грязно. Ну размазней да кляксами никого не удивишь — и Оля выдавала дѣвочкамъ напечатанные буквы и слова за свои, будто бы только-только что ею самой написанныя. Ліда и Аня визжали и хлопали въ ладоши отъ восхищенія, а Олю это такъ страшно занимало и она была такъ довольна, что на нѣкоторое время забыла даже сонъ съ его предсказаниемъ.

Но стоило только уѣхать дѣвочкамъ Сахновскимъ, какъ тутъ-то и началось: къ мысли о томъ, что завтра будетъ Страшный судъ, присоединилось раскаяніе, что вотъ она передъ такимъ страшнымъ днемъ сказала неправду.

Оля не знала, что ей и дѣлать. Просить отпустить ее сейчасъ же съ братомъ Мишѣй къ Сахнов-

скимъ и тамъ признаться во всемъ Ань и Лидъ — «Да нѣть, — разсуждала Оля, — это очень стыдно, — а если не признаться — страшно».

Что же ей дѣлать?

Ночь, какъ и вчерашняя, прошла въ тревогѣ, всю ночь не сомкнула глазъ Оля, терзалась и страхомъ и раскаяніемъ. Безъ сна она дождалась утра — и ничего не произошло. Встала, одѣлась, день прошелъ — и ничего не случилось.

«Страшный судъ, стало быть, отмѣнился!» — рѣшила Оля, и отлегло отъ сердца.

И ужъ совсѣмъ было успокоилась и вчерашнюю свою плутню забывать стала, какъ вдругъ въ сумерки по дорогѣ къ ихъ дому зазвонилъ колокольчикъ. Вскочила Оля посмотреть, кто єдетъ — страсть любопытная — да такъ и замерла на мѣстѣ. А єхалъ никто иной, какъ мать тѣхъ двухъ дѣвочекъ Лиды и Ани, сама Сахновская, и понятно зачѣмъ.

«Конечно, — рѣшила Оля, — Лида и Аня рассказали своей мамѣ, какъ вчера я ихъ тетрадками надула, вотъ теперь она и єдетъ, чтобы обо всемъ разсказать мамѣ».

И представивъ себѣ, какъ черезъ какой-нибудь часъ, нѣть, меныше, черезъ десять минутъ, нѣть сю же минуту весь домъ узнаетъ, и всѣ будутъ называть Олю лгуньей, обманщицей, просмѣютъ всѣ глаза, засмѣютъ ее на всю жизнь и ни одному слову ея не повѣрять да ужъ и не вѣрять, Оля такъ и замерла на мѣстѣ.

Конечно, ничего подобнаго не произошло, какъ не произошелъ и Страшный судъ, но съ этого дня мысль о Страшномъ судѣ не покидала Олю.

Какъ-то по утру весной вышла Оля тихонько неодѣтая въ одной рубашечкѣ на крыльцо — было тепло на волѣ, чуть только еще показались листочки и первая трава маленькая такая нѣжная выглядала изъ земли на свѣтъ Божій — и бросилась въ

глаза Олѣ утка: переваливаясь, шла утка по двору и крякала.

«Божія Матерь, — подумала Оля, — такъ пе-редъ Страшнымъ судомъ пойдетъ собирать грѣшни-ковъ!»

Много думъ продумала Оля и какъ Страшный судъ происходить будетъ и когда онъ наступить, а мысль о томъ, что онъ можетъ наступить всякую ми-нуту, ставила ее столбомъ.

Вотъ почему, бывало, станетъ Оля на одномъ мѣ-стѣ и стоять не шелохнется — ждеть Страшнаго суда.

*

Къ мысли о Страшномъ судѣ присоединялась мысль о смерти.

Оля рассказывала своей младшей сестрѣ Ленѣ, что на осокори у дровотни дѣдъ живеть, у дѣда пять дѣтей, одну изъ дочерей дѣда зовутъ Аней, и будто Оля къ нему въ гости ходить, а онъ ей съ осо-кори яблоки бросаетъ. Лена вѣрила и все просила взять ее къ дѣду яблоковъ попробовать да и на са-мого дѣда посмотретьъ. Оля обѣщала спросить у дѣда, хотеть ли дѣдъ, да все откладывала.

Захворала Лена, было ей плохо, говорили — при смерти. И тяжелые, невыносимые дни прожила Оля, пока не выздоровѣла Лена.

Измоталась вся: и хотѣла сказать Ленѣ, что на осокори дѣда никакого нѣть, и видѣла, что говорить бесполезно, такъ какъ Ленѣ теперь не до дѣда, и мучилась, — вотъ умреть Лена, а она такъ и не откроетъ ей про дѣда и никогда ужъ не откроетъ.

У Оли была еще сестра Таня, самая младшая. Таня умерла совсѣмъ маленькая. Въ день смерти мать сказала Олѣ, чтобы Оля покачала Таню. Оля не захотѣла, — пошла къ Мишѣ въ садъ подъ сли-

ву будки строить. А, когда вернулась изъ сада домой — Тани уже не было, умерла.

Тяжелые, 'невыносимые дни прожила Оля: зачѣмъ она тогда не покачала Таню? — а теперь ужъ никогда не покачаетъ.

А когда умерла бабушка и отецъ сказалъ Оль, что каждый человѣкъ всякую минуту можетъ помереть, Оля стала бояться смерти.

Она также ждала ее, какъ и Страшнаго суда, часто не спала по ночамъ и плакала, но причины своихъ слезъ никому не рассказывала.

Цѣлыми днями придумывала Оля, чѣмъ ей смерть отвратить и, наконецъ, нашла рѣшеніе: она будетъ бѣгать, хоть и заболѣтъ, все равно будетъ бѣгать — смерть и не возьметъ ее, умираютъ вѣдь всегда лежа.

Какъ угорѣлая, бѣгала Оля день до вечера, трудно было къ столу усадить, долго вечеромъ приходилось уговаривать лечь въ кроватку, ужъ кажется и утомонится, нѣтъ опять вскочить, а гулять пойдутъ — за ней не поспѣешь, такъ словно на крыльяхъ летить.

И вдругъ Оля почувствовала, что этимъ не поможешь: бѣгай не бѣгай, а смерть придетъ — не посмотретьть, вѣдь не посмотрѣла она, что Таня совсѣмъ маленькая, а взяла, а бабушка и ждала ее и все таки умерла послѣ Тани, смерть придетъ — не посмотретьть, каждому свой чередъ, и Оля перестала бѣгать.

Нянѣка Фатевна не разъ говорила Оль, что Оля бабушку увидить, когда придетъ чередь и сама умретъ. Оля вѣрила, что увидить, но это нисколько не мѣняло дѣла: сама смерть оставалась все той же неотвратимой.

Нянѣка Фатевна не разъ говорила Оль, что въ Пасхальную ночь мертвые встаютъ изъ гроба. Оля вѣрила и всякий разъ въ Пасхальную ночь ей казалось, что среди сидящихъ у церкви съ пасхами

бабъ въ бѣлыхъ и длинныхъ, какъ саванъ, намитахъ, сидяты мертвые.

Кто-то, никому неизвѣстный, и когда, неизвѣстно, приходитъ, отнимаетъ у человѣка глаза — и глаза больше не видяты, отнимаетъ уши — и уши больше не слышатъ, отнимаетъ языкъ — и языкъ ужъ не говоритъ, сковываетъ по рукамъ и по ногамъ — и ничего не подѣлаешь, не повернешь и не остановишъ.

Сторожихой въ пансіонѣ Прасковы Ивановны Пѣнкиной была, какъ жердь, длинная и сухая старуха Федосья. Когда Федосья говорила, видно было, какъ челюсть движется, и всегда вся въ синемъ: юбка синяя, кофта синяя. Называли Федосью просто «отхожей бабой». Сидѣла она въ комнаткѣ, гдѣ стоялъ умывальникъ и висѣли дѣтскія платья, — комната находилась далеко отъ залы и спаленъ на другомъ концѣ дома.

Какъ-то вечеромъ отправились гимназистки къ Федосѣ и стали просить разсказать сказку, Федосья согласилась и принялась разсказывать и всѣ, что ни на есть, сказки про смерть: и веселая-то она и смѣшная, но больше такая, что ни за что ужъ никому и никогда отъ нея не уйти. Разсказывала Федосья, а челюсть у ней такъ за каждымъ словомъ и двигалась.

Оля никогда больше не просила разсказывать и стала бояться Федоси, а Федосья вся въ синемъ, сухая, костлявая сидѣла съ чулкомъ въ комнаткѣ на другомъ концѣ пансіона, вязала чулокъ — сторожила дѣтскія платья.

*

Оля богомольная, не пропустить ни одной вечерни. Ходитъ она въ старый монастырь, куда отпускаютъ ее одну — монастырь совсѣмъ близко. Вся грудь

у Оли въ крестикахъ и образкахъ — ихъ много у ней всякихъ и мѣдныхъ и кипарисныхъ на разноцвѣтныхъ ленточкахъ и шнуркахъ.

За службой Оля молится объ урокахъ, молится о Танѣ, а когда мать перѣхала въ городъ, молилась особенно объ отцѣ, чтобы ему не было страшно, — такъ какъ одинъ онъ въ домѣ, а одному жить страшно, въ особенности осенью, когда деревья шумятъ и собаки воютъ.

Оля усердно молится, вѣруетъ и знаетъ, что молитва исполнится.

Еще при жизни бабушки, разъ захворала мать и такъ тяжело, что и докторъ былъ и прїѣхалъ батюшка. Прїѣздъ батюшки съ дарами въ особенности подѣйствовалъ на Олю. Всѣхъ дѣтей бабушка повела изъ комнаты матери въ залу и сказала, что матери плохо и что они должны за нее молиться. Поставила дѣтей на колѣни передъ образами — темно было въ залѣ, только лампадка горѣла. И дѣти молились, — кричали, просили съ оими словами, кричали, чтобы мама не умирала. И Оля не помнить, сколько времени она кричала — ничего не видѣла — ни иконъ, ни сестеръ, ни брата, и ничего не слышала — ни часовъ на каминѣ, ни другихъ, какъ сестры и братъ молились, а когда встала съ колѣнъ — мать не умерла, матери стало легче.

Оля вѣрила и знала, что если усердно молиться, исполнится молитва и даже смерть не тронеть, смерть остановишь.

*

Первая книга, которую прочитала Оля, называлась «Брось хлѣбъ позади, очутится впереди.» Въ этой книгѣ описывалась исторія дѣвочки Эммы и мальчика Доминика.

И вотъ приснилось Олѣ, будто лежитъ на столѣ свѣтло-шоколадная матерія, а Эмма будто го-

ворить, что это и есть Богъ. Олъ такъ стало страшно, она и проснулась.

Нестерпимую муку испытала Оля, когда, проходя Новый Завѣтъ, услышала въ первый разъ о страстяхъ. Ночами рыдала, не зная, какъ поправить непоправимое, и не могла примириться, что ужъ поздно, и не вернуть тѣхъ дней.

«Можетъ быть, — думала Оля, — ѿхать мнѣ въ Иерусалимъ и тамъ что нибудь сдѣлать?»

А не сдѣлавъ чего-то, что поправило бы это непоправимое — какъ же она жить будетъ?

Еще до гимназіи, въ Ватагинѣ проснулась Оля ночью, — комната, гдѣ спала она, рядомъ со столовой, дверь въ столовую была открыта, въ столовой стоялъ огромный старинный диванъ, — и вотъ показалось, весь диванъ занятъ: лежитъ чортъ.

И когда она такъ подумала, что лежитъ чортъ, изъ столовой ясно донесся голосъ.

— Да, да, да, — говорить будто чортъ.

А вотъ въ пансіонѣ у нѣмокъ просыпается Оля среди ночи и слышитъ, какъ въ печкѣ заворачалось что-то и потомъ закурлыкало, въ родѣ какъ бы индюкъ заворчалъ

«Это чортъ», — подумала Оля.

Какія пошли страшныя ночи. Всѣ уснуть, она одна не спить. И вотъ однажды не было ужъ терпѣнья, дышать стало страшно.

— Марина! — покликала Оля, — подойди ко мнѣ.

— Что тебѣ? — отозвалась Марина.

— Иди.

Когда Марина подошла, страхъ еще больше охватилъ Олю.

«А что, — вдругъ подумалось ей, — если это не Марина, а чортъ Мариной представился?»

— Перекрестись, — прошептала Оля.

— Ну теперь и ты перекрестись! — чуть не вскрикнула Марина: широко были раскрыты глаза ея.

Оля перекрестилась.

И Марина съла рядомъ. Но вдругъ у Оли еще разъ вспыхнуло сомнѣніе и, читая «Да воскреснетъ Богъ», принялась она крестить Марину.

— Я дѣйствительно Марина, я не исчезнула, — сказала Марина.

И теперь уже, не боясь другъ друга, сидѣли онъ рядомъ на кровати въ какомъ-то страшномъ ожиданіи. И вотъ обѣ ясно услышали, какъ на трехъ ногахъ кто-то прошелъ мимо, ясно слышали: на трехъ ногахъ шелъ.

И, прижавшись другъ къ дружкѣ, продрожали ночь.

Вѣра Сахарова, примѣтивъ, какъ Оля по ночамъ боится, иногда ночью надѣвала на себя простыню и тихонько подходила къ Олинѣ кровати и стояла неподвижно вся въ бѣломъ бѣлая, какъ бѣлый мраморъ, съ распущенными черными косами.

Оля знала, что это не привидѣніе, что это Вѣра Сахарова — красавая, но всякий разъ, когда, просыпаясь, вдругъ видѣла ее, сердце переставало биться.

На утро Вѣра Сахарова увѣряла, что и не думала появляться, что спала на своей кровати крѣпко, а что вотъ Ольѣ просто всюду страхи мерешились.

Нерѣдко, измучившись, изморившись страхами, Оля забивалась подъ кровать и тамъ подъ кроватью проводила ночь.

Всѣмъ было извѣстно, что Вѣра Сахарова ведеть дневникъ и давно всѣхъ разбирало любопытство прочитать. Вѣра Сахарова прятала дневникъ, но мѣсто, куда она его прятать, было въ концѣ концовъ отыскано. Оставалось только ждать случая, когда можно было бы приняться за чтеніе. И случай такой представился. Вѣра Сахарова ушла изъ пансиона въ гости и долго не возвращалась.

Оля была противъ чтенія, уговаривала дѣвочекъ не трогать тетрадки. Оля цѣнила, что Вѣра Сахарова прятать тетрадь, понимала, какъ можно бе-

речь и хранить свою вещь. У Оли тоже были завѣтные вещицы: кромѣ маленькаго глобуса да нѣсколькихъ пестрыхъ коробочекъ, былъ у ней самый обыкновенный карандашъ, но который она хранила, какъ свое, только ей одной принадлежащее, и никому никогда этого карандаша не показывала. Оля представляла себѣ, какъ будетъ обидно и горько, если Вѣра Сахарова узнаетъ, что ея тетрадь трогали.

Но Олю гимназистки не послушали. Достали дневникъ, потушили лампу и, примостясь на Олиной кровати подъ лампадку, приступили къ чтенію.

Взяло любопытство и Олю, и какъ ни была она противъ, а подсѣла къ лампадкѣ. И вотъ на самомъ интересномъ мѣстѣ, когда послѣ описанія подругъ, очередь дошла до Оли — «Оля Ильменева, — начала читать Гореславская, — дѣвочка двѣнадцати лѣтъ очень хорошенъкая» — въ эту самую минуту упала лампадка.

Вся дрожала Оля, ждала себѣ наказанія: она поступила дурно и знала, что поступаетъ дурно, вотъ и упала лампадка! Да это еще что: ее скрючить, скрить всю, какъ батюшку Свободина, и она не будетъ ходить, а поползть на четверенькахъ, какъ ползъ батюшка за гробомъ до церкви и отъ церкви до кладбища.

Оля долго не могла опомниться.

Страшный судъ, который можетъ каждую минуту наступить, смерть, которая можетъ каждую минуту взять, чортъ, который страшнѣе всякой смерти и всякихъ страховъ, непоправимость страстей Господнихъ, но которую надо непремѣнно устранить, наказаніе, которое непремѣнно приходить за всякой дурной поступокъ, и наконецъ Богъ, который можетъ отмѣнить Страшный судъ, остановить смерть, уничтожить всякий страхъ чорта, поправить непоправимое, и не посыпать наказаніе, и все это можетъ сдѣлать по молитвѣ, если молиться, какъ тогда, какъ мать умирала, чтобы ничего не слышать

ни часовъ на каминъ, ни другихъ, какъ молились сестры и братъ, чтобы ничего не видѣть, ни иконъ, ни сестеръ, ни брата, а только кричать, просить с в о-и м и словами, — вотъ тайный и скрытый міръ, какимъ живетъ Оля, и не обмолвится.

Мысли объ этомъ таинственномъ мірѣ отходили, прятались, но никогда не пропадали, и весь смѣхъ, шалость и потѣхи не затрагивали этихъ мыслей, готовыхъ всякую минуту всплыть и закружить голову, а сердце заставить мучиться, а глаза плакать.

Цѣлыми недѣлями задумчивая и неразговорчивая, Оля вдругъ приходила въ неистовую веселость, бѣгала, хохотала, кричала, доходя до послѣднихъ шалостей и продѣлокъ, но веселость также внезапно смѣнялась раздумьемъ, и ужъ не слышно было Олиного звонкаго голоса и веселаго выразительного смѣха: молчаливая, роясь въ своихъ мысляхъ и мучаясь, бродила она необщительнымъ, одинокимъ звѣрькомъ или сидѣла на одномъ мѣстѣ, какъ сова, уставясь сѣрыми большими глазами, ничего не слыша и ничего не видя кругомъ себя.

6

При пансіонѣ Линде былъ огромный фруктовый садъ, одна часть сада сдавалась, въ другой занимались гимназистки.

Осенью такъ хорошо въ садахъ, когда въ ясный тихій день всѣ деревья словно загораются, и такъ хорошо воровать яблоки — спѣлые висятъ они самыя вкусныя, крѣпкія и румяныя, и зорко слѣдятъ караульщики.

Рѣдкая гимназистка не воровала яблоки, хоть и попривезено было изъ дому у каждой большой запасъ.

Княжну Шахъ-Булатову вызвали въ приемную.

Немного спустя она снова появилась въ саду, но не одна, а съ черной страшной старухой.

— Баба-яга, — сказала Оля.

— Настоящая Баба-яга, — согласилась Марина.

— Носъ крючкомъ, — рассматривала Оля старуху.

— Черная, — широко раскрыла глаза Марина.

— Ты не знаешь, Марина, зачѣмъ она тутъ?

— Бабушка.

— Чья бабушка?

— Шахъ-Булатовой.

А старуха посидѣла съ княжной, поговорила о чѣмъ-то и ушла.

— Ты моей бабушкѣ очень понравилась, она говорить, что у тебя лицо поэтическое, — проводивъ старуху, подошла княжна къ Оль.

Оля только глядѣла на свою золотую красавицу и улыбалась ей.

Черезъ недѣлю снова появилась въ саду черная бабушка. Былъ такой же свѣтлый хороший день, какъ тогда, все, словно горѣло и было золотымъ, какъ золотая княжна.

И опять сидѣла старуха съ княжной, о чѣмъ-то шептались. Потомъ княжна поднялась, подошла къ Оль.

— Бабушка съ тобой хотѣть познакомиться, — сказала княжна.

Оля пошла за ней.

Беззубымъ ртомъ улыбалась старуха, два огромныхъ черныхъ клыка показывала Оль.

— Бабушка, Оля всего Евгенія Онѣгина наизусть знаетъ.

— Ну прочитай мнѣ Онѣгина, — старуха гладила Олю по головкѣ, — прочитай, я люблю Онѣгина.

Оля читала. Старуха сидѣла и слушала. Оля долго читала.

— Ты ко мнѣ придешь? — перебила старуха.

— Непремѣнно приду, — вся закраснѣвшись и

ясно глядя въ беспокойные острые глаза, сказала Оля.

— Такъ не забудь же! — и старуха поцѣловала Олю, а Оль показалось, будто не губы у ней, а какая то скользкая кость и стало непріятно, отошла и сплюнула.

— Ей Богу, вѣдьма, ей Богу вѣдьма! — говорила Марина, и широко раскрыты были глаза ея.

Въ первое же воскресенье княжна съ Олей отправилась послѣ обѣдни къ бабушкѣ.

Къ обѣду вернулись въ пансіонъ.

Сама не своя вернулась Оля. И вечеръ, слѣдующій день и вечеръ, и слѣдующій день и вечеръ, и всѣ три ночи видно было, что неладное творится съ ней, но только она ни слова никому не сказала и была тихая. А на третье утро, когда итти въ гимназію, она не раскрыла своей шкатулки, не посмотрѣла на свой маленький глобусъ, коробочки и карандашъ, только стянула крѣпче лифчикъ и рано, раньше, чѣмъ обыкновенно, вышла изъ пансіона.

Въ это время совсѣмъ неожиданно пріѣхала изъ Ватагина Наталья Ивановна — Оля столкнулась съ матерью у калитки.

За распросами о томъ-о-семъ, Оля рассказала о бабушкѣ. Она рассказывала, какъ познакомилась съ этой бабушкой, какъ въ воскресенье съ княжной въ гости къ ней ходили, какъ онѣ долго шли — бабушка жила за каланчей на краю города — какой домъ у бабушки въ саду за деревьями сразу не увидишь, какъ чисто и хорошо у бабушки въ комнатахъ, какія иконы и какія лампадки, какъ бабушка обрадовалась Оль и угощала шоколадомъ и какъ потомъ княжна куда-то ушла, а Оля осталась однѣ со старухой.

«Оля, — сказала бабушка, когда остались однѣ, — ты должна посвятить себя Богу.»

«Да», — твердо отвѣтила Оля.

«Лѣвую грудь надо отрѣзать и положить подъ образа», — сказала старуха.

Оль страшно вдругъ стало и она ничего не отвѣтила.

«Согласна?»

Оля молчала.

«Лѣвую грудь надо отрѣзать и положить подъ образа, согласна?» — повторила старуха.

«Согласна.»

«Ну такъ подумай объ этомъ и опять приходи.» — старуха попѣловала Олю.

Все это рассказывала Оля просто, какъ такое, что уже не тайна и что теперь рассказывать можно, и не замѣтила, что мать встала со стула и вся измѣнилась.

— Мама, я готова, я посвящу себя Богу.

*

А черезъ годъ весной Оля утонула — едва откачали.

Катались вечеромъ по Сурѣ на лодкахъ — много было гимназистокъ, пристали къ берегу и рѣшили купаться. Купались хорошо, весело, а какъ ужъ выходить на берегъ, Женя Гореславская еще поплыла и попала въ кручу, стала тонуть. Бросилась за ней Марина, вывела изъ кручи Женю, а сама осталась. Бросилась Оля, схватила Марину за руку, а Марина — подъ себя Олю, да на нее ногами стала и выплыла, — Оли и признака нѣть. Рыбаки спасли. Едва откачали.

И съ тѣхъ порь у Оли глаза, словно прояснились, и сѣрые стали, какъ озеро воды, то зеленые, то голубые — и темные сѣрые въ черный годъ.

Начало лѣта, какъ только кончатся экзамены, гостила Оля въ Меженинкѣ у любимой бабушки Татьяны Алексѣевны. Меженинка въ семи верстахъ отъ ихъ Ильменевскаго Ватагина.

Хорошъ Егорьевъ день въ Ватагинѣ, а въ Меженинкѣ и того лучше: выйдеть батюшка о. Василій въ поле со святой водой поля кропить, а у каждой хаты ужъ съ хлѣбомъ-солью накрыть столъ, обойдутъ крестнымъ ходомъ межи — освятится земля, благословить батюшка хлѣбы, и всю ночь до третьихъ пѣтуховъ играютъ хороводы и за алу варю лелейная пѣсня льется.

Вся въ вѣнкахъ и березкахъ проходитъ русалья недѣля — зеленый Семикъ, и жарка, что въ полѣ алый макъ, Троица. Хороша купальская ночь, знайно страдное ладо, хороши и дѣжинки, а лягушки поютъ куда лучше ватагинскихъ.

Когда за яркимъ закатомъ погаснетъ заря вечерняя, и перекукуетъ горькая кукушка, когда придетъ воркотунъ угомонъ, и самъ черный дроздъ присмирѣть, и умолкнетъ ночной соловей, а ранній спить, еще не проснулся, одна шепчетъ ночь, и въ ея шопотѣ звѣздномъ вить по старому пруду, заросшему ивой, кругъ за кругомъ, пойдутъ большие круги — начинаетъ пѣть пѣсню лягушка.

Оля боится лягушекъ, а пѣсню ихъ очень любить, а потому долго сидитъ на балконѣ, а глаза ея

— къ ночи, къ звѣздамъ. Или это ночь и со всѣми со звѣздами призадумалась надъ Олей, надъ своей любимой весенней звѣздочкой, и поеть ей тоненько пѣсню лягушиную.

И какъ не любить Оль Меженинку!

*

Тихо въ Меженинкѣ, благопріятно.

Бабушка Татьяна Алексѣевна, ея сестра — тетушка Евгения Алексѣевна да экономка Анна Павловна, вотъ и весь домъ. Бабушка всѣхъ выше и дороднѣе, и очень щедрая, и чепчикъ на ней всегда бѣлый, гофрѣній, съ бантомъ; тетушка — одна кость, и очень скучая, и чепчикъ на ней безъ банта, а Анна Павловна самая маленькая и, какъ сама про себя говорить, несчастная во всѣхъ отношеніяхъ, и платокъ на ней темный.

Бабушка и Анна Павловна любятъ табачку понюхать, и только тетушка никогда не нюхала и вѣчно надъ ними подтруниваетъ, надъ табашницами.

— Въ старину было лучше, — говорить и бабушка, и тетушка, и Анна Павловна.

— Нынче и въ Бога не вѣруютъ, — замѣчаетъ тетушка.

— Кто въ Бога не вѣруетъ, червемъ ползучимъ поползеть, такъ-то, сестрица.

— А я-то про что! — тетушка вскидываетъ темные, когда-то прекрасные, теперь грозные, большие глаза, — вотъ, вѣдь, что выдумала... — и себѣ на умѣ усмѣхается: Богъ знаетъ, ужъ не кажется ли ей, что это въ ея огородъ бабушка.

— И предложенія дѣлали не такъ, какъ теперь, — говоритъ бабушка.

— Бабушка, какъ же у васъ дѣлали предложеніе? — спросить Оля.

— Да не такъ, какъ вамъ будуть дѣлать, а съ уважаніемъ.

Ахъ, какъ жаль,
Что камаль
Вышелъ ужъ изъ моды.
Скоро шаль
И вуаль
Спрячутся въ комоды...

— напѣваетъ Анна Павловна, несчастная во всѣхъ отношеніяхъ.

— Бабушка, а какъ вамъ дѣдушка дѣлалъ предложеніе?

— Что ты, Оля, я ужъ и забыла, — и смотрить такими добрыми и ясными глазами, — а только вотъ помню, гадали мы на Крещенье, и вижу я себя въ зеркало, а за стуломъ Иванъ Васильевичъ стойть. Я и говорю сестрицѣ Евгениѣ Алексѣевнѣ: «Смотрите, сестрица, какъ гаданья не вѣрны: кого я увидѣла, Ивана Васильевича!» А вотъ все такъ и вышло.

И начинаются долгіе, неторопливые разсказы и со всякими подробностями и мелочами посторонними, кто и какъ дѣлалъ предложеніе. Разсказывается бабушка, за бабушкой тетушка.

— А мнѣ генераль дѣлалъ предложеніе, — вступаетъ Анна Павловна, — а я ему отказалась.

— Расскажите, Анна Павловна! — просить Оля.

Но Анна Павловна никакъ не можетъ не жеманиться и долго не сдается на просьбы.

— Жила я экономкой у Солониновыхъ, — наконецъ-то начинаетъ она и съ нескрываемымъ удовольствиемъ, — пріѣхалъ генераль Ольховскій и говоритъ: «Анна Павловна, пойдемте ко мнѣ въ экономки!» А я говорю: «Женитесь на мнѣ, тогда и пойду». А онъ ни слова. Такъ ни съ чѣмъ и уѣхалъ.

— Да вѣдь, это же вы ему дѣлали предложеніе, а онъ вамъ отказалъ.

— Да нѣтъ же, совсѣмъ нѣтъ! Какъ вы, Оля, не понимаете: онъ мнѣ дѣлалъ предложеніе, а я ему отказала, — и ужъ безъ всякаго удовольствія, съ ожесточеніемъ, слово въ слово сызнова повторяетъ она и готова безъ конца повторять: — жила я экономкой у Солониновыхъ, прѣѣхалъ генералъ Ольховскій и говорить: «Анна Павловна....» — слезы навертываются на ея жалкіе глаза.

— Ну, на что пристало! — замѣчаетъ бабушка Оль, — ну, дѣлалъ генералъ предложеніе, Анна Павловна отказалася...

Оля согласна, только не можетъ никакъ сдѣлаться и улыбается.

— Бабушка!

А бабушка ровно бѣ и осердилась.

Ахъ, какъ жаль,
Что камаль
Вышелъ ужъ изъ моды.
Скоро шаль
И вуаль
Спрячутся въ комоды...

— Бабушка, а какія у васъ пѣсни пѣли?

— И что тебѣ разказать, Оля, не помню... — и смотрѣть такими добрыми и ясными глазами, — по-годи, вспомнила! — и такъ ласково береть Олю за подбородокъ и начинаетъ пѣсню, не поетъ, а говоритъ ей, какъ поетъ, старинную про Волгу, про молодца-разбойника, про атамана Стеньку Разина да про дѣвицу-красавицу въ золотой лентѣ.

— Только у насъ на Волгѣ и пѣсни настоящія! — замѣчаетъ тетушка.

— Тутъ какія пѣсни, такъ, курамъ на смѣхъ! — поддакиваетъ Анна Павловна.

— Да и пѣсень нынче не поютъ, перепѣлись всѣ, — покачиваетъ головой бабушка.

— И пироговъ не умѣютъ печь, такъ, какіе-то маленькие... — продолжаетъ свое Анна Павловна, — и мнишки тутъ въ ротъ не возьмешь.

(Мнишки это — творожники).

— Въ старину было лучше, — говорить и бабушка, и тѣтушка, и Анна Павловна.

Бабушка родомъ костромская, а попала она изъ Костромы въ Меженинку неисповѣдимой случайностью. Досталась эта Меженинка по наслѣдству дѣдушкѣ Ивану Васильевичу, предокъ котораго, важный петровскій вельможа, попавъ въ царскую немилость, сосланъ былъ въ Сибирь, откуда уже потомки его перебралисъ на Волгу. Иванъ Васильевичъ съ бабушкой и со всѣмъ домомъ — съ дочерью-невѣстой и сыномъ — пріѣхалъ вводиться во владѣніе, захворалъ и померъ, а тутъ Наташа вышла замужъ за ватагинскаго помѣщика Александра Павловича Ильменева, а сынъ Алексѣй получилъ мѣсто въ губернскомъ городкѣ. Такъ и не вернулась бабушка на Волгу въ свою родную Кострому, а осталась вѣкъ вѣковать въ Меженинкѣ.

*

Тихо въ Меженинкѣ, благопріятно.

Весной выставляютъ рамы, на Великомъ посту говѣютъ, убираются къ Пасхѣ, красятъ яйца, пекутъ куличи и дѣлаютъ паски, лѣтомъ варятъ варенье, мочатъ, солятъ и сушатъ, осеню вставляютъ на зиму окна, передъ Рождествомъ убираются, какъ передъ Пасхой, въ сочельникъ ждутъ звѣзду, три кутии спрашиваютъ: постную подъ Рождество, богатую и щедрую подъ Новый годъ, голодную подъ Крещеніе; зимой жалуются на холодъ, лѣтомъ на мухъ и жару, осеню на дождикъ.

Тихо и мирно проходятъ дни, день ото дня, не спѣша. Вечерами на сонъ грядущій потихоньку

другъ на друга поварчиваютъ: тетушка на бабушку, бабушка на тетушку, и тетушка и бабушка на Анну Павловну, Анна Павловна на судьбу несчастную.

Ужъ лѣтъ десять будетъ, какъ померла страшная тетушка Александра Алексѣевна, жившая тоже въ Меженинкѣ у бабушки, лѣтъ десять будетъ, какъ бабушка и тетушка подѣлили сестрино добро, и хоть тетушка Евгения Алексѣевна сколько разъ считала потомъ и пересчитывала, нѣтъ-нѣтъ да и найдется на нее въ родѣ сомнѣнія: правильно ли поровну раздѣлено добро покойной сестрицы Александры Алексѣевны и не досталось ли больше бабушкѣ? И эти сомнѣнія свои выражаетъ она вслухъ.

Бабушка долго помалкиваетъ, будто и не слышитъ, но ее, наконецъ, прорываетъ, и она только ищетъ зацѣпку сердце сорвать.

Передъ тѣмъ, какъ укладываться, тетушка принимается за перину — перинъ въ Меженинкѣ горы! — и вотъ другой разъ, какъ на грѣхъ, окажется, что перина-то не тетушкина, а Натальи Ивановны, ильменевская: по какимъ-то мѣткамъ и рубчикамъ запримѣтить это бабушка, и зацѣпка есть.

— А вѣдь, перинка-то Наташина! — поддѣваетъ бабушка.

И теперь тетушка будто не слышитъ, помалкиваетъ, перебиваетъ перину.

— А вѣдь, перинка-то Наташина! — повторяетъ бабушка и до тѣхъ поръ повторяетъ, все одно и то же, пока у той ужъ наслѣднее не лопнетъ терпѣніе.

— Ну, что, въ самомъ дѣлѣ, Наташина и Наташина! Что я сдѣлаю съ периной?! — вскидываетъ тетушка темные, когда-то прекрасные, теперь грозные, большие глаза и горько усмѣхается.

Да такъ и улягутся, а сонъ все помирить.

И настанетъ день тихій и мирный, нетороили-вый, меженинскій.

Тихо въ Меженинкѣ, благопріято.

Чай пьютъ на балконѣ и слѣдятъ за тѣнью и, гдѣ тѣнь падетъ, тамъ и днюютъ, и когда дождутся прохладной, отѣнить она, вечерняя, широкое башкино крыльцо, усядутся втроемъ на крылечкѣ, посидятъ-посидятъ, расскажутъ которая въ который разъ о событии памятномъ и всегда съ подробностями и мелочами посторонними, пообсудятъ это событие, также не разъ пересуженное, помолчать да и ужинать.

Хороши цвѣты въ Ватагинѣ, а въ Меженинкѣ и того краше. Бабушка сама за цвѣтами ходить, сама и поливаетъ, сама и пересаживаетъ.

Вокругъ дома цвѣтникъ, что Божій рай — тутъ и уголекъ - въ - огонькѣ — цвѣть красный, по середкѣ черный, и синія и красныя растрепанныя барышни, и астры, георгины, петуны, портулакъ, резеда, шоны, анютины глазки, и мальва, и розы. И въ саду у пруда много кустовъ розъ бѣлыхъ и пунцовыхъ. А есть чудесная орѣшня — нигдѣ такихъ орѣховъ нѣтъ вкусныхъ, какъ съ этой орѣшни. И поспѣваютъ еще бѣленъкія яблочки, чуть-чуть съ кислинкой, тоже очень вкусныя, а растеть яблонь только въ саду у бабушки.

Какъ хорошо пить чай въ тѣни подъ старыми липами!

Подадутъ самоваръ, вотъ встанетъ бабушка и не спѣша пойдетъ по дорожкѣ къ дому — ключи всегда при ней — тамъ откроетъ высокій душистый шкафъ, наберетъ сластей и лакомствъ и, также не спѣша, съ полнымъ блюдомъ въ рукахъ, возвращается по той же дорожкѣ къ самовару, подъ старыя липы, и чего-чего только нѣтъ на блюдѣ: и яблокъ, и грушъ, и вишнѣ, и сливы, и конфетъ всякихъ, и орѣхи, и пастыла, и все такое, всего попробуй — и сытъ, а такъ и тянетъ еще.

Какъ хорошо вечеромъ пройтись погулять съ бабушкой на цвінтарѣ, къ старымъ грустнымъ крестамъ на могилки! А какой подносъ подается у ба-

бушки на Рождество и Пасху, на рожденье и въ именины, — одному ни по чёмъ не поднять, а среди гостинцевъ все самое любимое Олино, первой лакомки и самой любимой внучки. А какія книги, въ какихъ чудесныхъ переплетахъ нашла Оля въ амбаръ, — въ амбаръ вынесены стояли съ незапамятныхъ временъ, — и всѣ эти книги возьметъ съ собой Оля.

*

На Астія Диракійского день рожденья бабушки.

Въ этотъ торжественный меженинскій день съ тѣхъ поръ, какъ Оля научилась вышивать крестикомъ пѣтушковъ и елочки, а первый пѣтушокъ удался ей въ двѣнадцать лѣтъ, дарить она бабушкѣ вышитую кофточку. А въ это лѣто подарила Оля бабушкѣ уже четвертую кофточку и подаркомъ своимъ до слезъ растрогала бабушку.

— Спасибо, Олюшка, спасибо! — повторяла бабушка и смотрѣла такими добрыми глазами на свою ясную любимицу.

Справили бабушкино рожденье. Всѣмъ домомъ прїѣзжали изъ Ватагина поздравлять бабушку и Наталья Ивановна, и Александръ Павловичъ съ Ириной, Леной и Мишой.

Справили черствое рожденье. И разъѣхались гости.

И Оля бы не прочь къ своимъ, да бабушкѣ безъ Оли скучно. И только спустя какую недѣлю, какъ поспѣть первымъ бѣленькимъ яблочкамъ, бабушка отпустила Олю.

Подѣловавшись съ бабушкой несчетно разъ и очень крѣпко, а съ тетушкой поменьше, а съ Анной Павловной совсѣмъ немного — Анна Павловна какая-то холодная! — простились Оля съ любимой Меженинкой.

Два старика славились въ Ватагинѣ у Ильменевъхъ: Федотъ Прямой — камердинеръ да Федотъ Кривой — ключникъ.

Федотъ Прямой извѣстенъ быль тѣмъ, что съ молодости лѣтъ изображалъ въ Пасхальную ночь въ ватагинской церкви никого другого, какъ самого нечистаго Дьявола, что впослѣдствіи взяль на себя ильменевскій кучерь Григорій. Обычно во время крестнаго хода, когда весь народъ выходитъ изъ церкви, одинъ оставался въ церкви Федотъ и держалъ крѣпко двери, какъ нечистая сила, упорно не желая пускать крестный ходъ назадъ въ церковь. И только, когда съ паперти доносился до него возгласъ «Да воскреснетъ Богъ», онъ, побѣжденный, распахивалъ двери и подъ пѣніе «Христосъ воскресъ» бѣжалъ — бѣжалъ черезъ всю пустую церковь, чтобы гдѣ-нибудь, конечно, провалиться въ преисподнюю, при этомъ такъ хитро и ловко вель свою игру, такія выдѣлывалъ рожи, такъ корчился, такъ похожъ быль на правдошнаго черта, что однажды другой Федотъ, Федотъ Кривой, нагнавъ его улепетывающаго, не стерпѣль и усердія ради такъ его хватилъ въ загорбокъ, что бѣдняга лишь на третій день, да и то едва-едва опомнился. Кромѣ этой своей отвѣтственной роли въ Пасхальномъ дѣйствіи, какъ сами видите, довольно-таки рискованной, извѣстенъ онъ быль еще какъ мужъ няньки Фатевны, что ужъ совсѣмъ невѣроятно, и хоть померъ онъ вотъ ужъ на Ильинъ день лѣтъ пять будетъ, а всѣ почему-то который годъ повторяютъ, что это случилось совсѣмъ недавно, ну, третьяго года.

Другой Федотъ, Федотъ Кривой, все еще живъ, живеть, здравствуетъ и помирать вовсе не собирается, а перевалило ему годовъ за девяносто. Извѣстность его пошла съ воли, когда не захотѣлъ онъ

принять волю и остался въ ильменевскомъ домъ служить вѣрой и правдой, какъ прежде, крѣпостнымъ человѣкомъ. Всѣ ключи отъ амбаровъ хранились у него споконъ вѣка, и никогда не бывало, чтобы какое несчастье.

Когда случалось, пріѣзжала въ Ватагино старшая тетка Людмила Павловна, сестра Александра Павловича, она всегда, какъ родному, рада была старому ключнику и называла его не иначе, какъ своимъ первымъ другомъ.

«Бывало, не соглашается маменька, чтобы студентовъ мы приглашали: неприлично барышнямъ приглашать! — вспоминала тетка молодость, — а мы, бывало, къ щедоту, съ вечера дадимъ ему записку, онъ на лошадь, доѣдетъ до первого табуна, пересядеть, да такъ въ ночь и доберется до города и къ утру обратно. А на другой день смотришь, и являются гости!»

Вотъ каковъ щедотъ самолеть! И не только въ свое время угождалъ онъ барышнямъ Ильменевымъ, исполняя порученія ихъ и возможныя и невозможныя, быль онъ и первый слуга у молодыхъ тогда офицеровъ — у Александра Павловича и у покойнаго Василія Павловича, видывалъ виды.

Если Оля ставила что на свое и, какъ ни уговариваются, ни за что не уступить, называли Олю Василіемъ Ильменевымъ.

Въ роду Ильменевыхъ все были крѣпкие и рослые и ни одного такого, чтобы тамъ на грудь жаловался, а Василій Павловичъ — и Ильменевъ, **а** умудрился и отъ чахотки померъ. Бывало, покойная бабушка Анна Михайловна много чудесъ всякихъ рассказывала о своемъ отчаянномъ безсчастномъ Василіи, а попутно и о слугѣ его примѣрномъ щедотѣ: чего только не бывало, тоже поѣдутъ въ го-

родъ честь-честью, а домой пѣшкомъ, — и экипажъ и лошадей все спустить въ карты!

Безъ Федота въ Ватагинѣ ни одно дѣло не дѣлалось и, кажется, ни одно событие не совершалось: во всей жизни навѣчныхъ господъ своихъ принималъ Федотъ самое близкое участіе. Имѣть онъ не два, а одинъ глазъ, но и единственный зеленый былъ его глазъ зорокъ и другого не надобилось, и, слава Богу, слышалъ онъ все отчетливо до зуда комариаго, на глухоту не жаловался. А спящимъ его никогда не видали, и потому-то воры его, какъ огня, боялись и за три версты прочь бѣгали.

Вотъ каковъ былъ Федотъ Кривой, а за смертью Прямого, Федотъ и единственный.

‡

Ввечеру по холодку закатному бабушкина тяжелая десятимѣстная наточанка, не уступавшая ильменевскому трундулету, вѣвхала въ Ватагино. И у мельницы встрѣтилъ Олю, какъ полагается, Федотъ.

— Ну, что, Федотъ, какъ у насъ? — спросила Оля, когда Федотъ усѣлся на облучокъ къ бабушкѣ Конону.

— Слава Богу, все благополучно, барышня, изъ городу гости прїѣхали.

— Ко мнѣ? — обрадовалась Оля.

— Двѣ барышни: Рогачева да Протасова. Къ Боровымъ Костя изъ корпуса прїѣхалъ, Константинъ Анатольевичъ. Отъ тетушки Людмилы Павловны письмо получилось: на Успенье въ Ватагино обѣщались. Къ братцу вашему учитель студентъ ходить, — Федотъ помолчалъ и безнадежно добавилъ, — такъ въ чемъ душа.

Съ юдотомъ пахнуло домомъ, за разспросами о домашнихъ незамѣтно, что легкія дрожки, прокатила тяжелая наточанка мимо батюшки о. Евдокима, мимо Покровской церкви, сада Первыхъ, Вѣры Стрѣшневой, Лены Боровой, и вотъ двумя бѣлыми башнями показался бѣлый ильменевскій домъ.

Юдотъ спрыгнулъ съ облучка, легко растворилъ ворота на широкій зеленый, такой зеленый дворъ, навстрѣчу любимой своей барышнѣ Ольгѣ Александровнѣ, которой не менѣе юдота обрадовались всѣ дворняги, и черныхъ и бѣлыхъ, и охотничій ласковый руки Кадо.

Заслыша звонъ колокольчиковъ, съ крикомъ выскочили изъ гороха Катя Рогачева и Лida Протасова, а на крыльце вышелъ самъ Александръ Павловичъ.

— Папочка! Папочка! Катя! Лida! — кричала Оля, сама запыхавшаяся отъ радости, и бѣлому дому съ башнями, и двору такому широкому да такому зеленому.

Лошади еще не стали, Оля соскочила. И упала. Поднялась и, какъ ни въ чемъ, побѣжала по зелени — по землѣ родимой.

3

Двѣ подруги было у Оли неизмѣнныхъ ватагинскихъ: Вѣра Стрѣшнева да Лена Боровая.

Съ Вѣрой Стрѣшневой завелась дружба съ прошлого лѣта, когда перешла Оля въ седьмой классъ. Оля первая навѣдалась къ Вѣрѣ и пригласила ее, а до тѣхъ поръ ни Оля, ни Вѣра, несмотря на сосѣдство, другъ у друга не бывали. Вѣра простая ватагинская барышня, ни въ гимназіи, ни въ институтѣ не училась, а было у нея то, что никакой гимназіей, ни институтомъ не дается, то, что называется

душевнымъ благородствомъ, — совѣтливость и внимательность, а это-то Олю и потянуло къ ней.

Съ Леной Боровой Оля съ дѣтства дружила, — Боровые соседки, постоянные гости Ильменевыхъ, свои. Лена ровесница Вѣрѣ, старше Оли года на два. Всегда беспокойная, и тогда еще, какъ маленькую привозили ее къ Ильменевымъ, много бывало съ нею хлопотъ и возни и ничѣмъ не угодишь: и то ей не по вкусу, и это не нравится, и молоко-то будто не такое, и хлѣбъ не такой.

«Будешь, какъ Лена Боровая!» — говорила Ольянянка Фатевна, когда Оля начинала рипѣть, какъ выражалась Фатевна.

Лена училась въ гимназіи и, пріѣзжая на каникулы, посвящала Олю въ свои ученическія шалости: она рассказывала ей, какъ учителямъ чихала на ухо, какъ ловко и безъ передышки умѣла прокатить цѣлый урокъ, какъ у какой-то гимназистки во время сна обрѣзала рѣсницы, и все въ такомъ родѣ, очень завлекательно и удивительно для такой довѣрчивой, какъ Оля. Гимназію Лена не кончила. Какъ-то ужъ въ послѣднихъ классахъ пріѣхала она на Рождество домой и съ ней словно стало что: и такъ беспокойная, еще беспокойнѣе стала или, какъ говорили про нее, юроды гонить, а отчего юроды гонить, понять никто ничего не могъ. Изъ дома она выходила только къ Ольѣ. Съ вечера четверга до вечера пятницы никуда не выходила: это былъ самый мучительный для нея день въ недѣльѣ — она боялась, умреть. И только, когда появлялась Оля, страхъ пропадалъ.

Александръ Павловичъ, съ которымъ она особенно охотно разговаривала, любилъ ее за все ея беспокойство и юроды.

«Она не такая, какъ всѣ!» — говорилъ онъ про Лену.

И это правда: когда угодно и кому угодно Лена могла отмочить такое и не съ глазу-на-глазъ, а и при всѣхъ, тутъ ей не было страху, а это-то Олю въ ней и привлекало.

*

Вечеръ начался весело.

Бѣлый столь, серебряный отъ старицнаго ильмевскаго серебра, быль бѣлѣ и серебристѣ. Или послѣ Меженинки, цвѣтистой, запущенной, такъ показалось Олѣ, или о домѣ она больно соскучилась, или самъ домъ ей былъ радъ, и вотъ нарядился въ серебро, какъ въ праздникъ?

Кромѣ своихъ — Миши, Ирины и Лены и двухъ гостившихъ подругъ Олиныхъ гимназистокъ — Кати Рогачевой и Лиды Протасовой — были гости: конечно, Вѣра Стрѣшнева и, конечно, Лена Боровая, братъ Лены кадетъ Костя, близнецы Лупичевы Петръ и Павель и совсѣмъ новый человѣкъ — учитель Миши, студентъ Карапуловъ.

Миша рассказывалъ смѣшные анекдоты, и самъ смѣялся, но не меныше смѣялись и слушатели, студентъ Карапуловъ пѣль куплеты и, хоть голосъ у него быль слабый, но за то съ большимъ чувствомъ, и тоже смѣшное съ разными такими смѣшными припѣвами.

Потомъ танцевали.

Александръ Павловичъ весь вечеръ не оставлялъ гостей. Онъ сидѣлъ въ креслѣ около камина подъ часами и, когда начались танцы, пошелъ танцевать мазурку съ Олей.

Какъ онъ ей радъ быль, своему котику, — такъ называлъ онъ Олю ласково, — и какъ смотрѣлъ на нее, какъ ласково, и улыбался ей! А какъ танцевалъ онъ, такъ теперь никто не танцуетъ.

— Папочка, милый папочка, какъ легко съ тобой танцевать и хо-ро-шо ! — улыбалась Оля соей ясной улыбкой.

И было въ ней столько здоровья, какъ крѣпкихъ силь въ черной плодоносной землѣ ея. А тяжелыя косы волнились, что нива.

Много потѣшились надъ близнецами Петромъ и Павломъ: оба необычайной страсти къ танцамъ и, несмотря на науку,—а училь ихъ самъ Александръ Павловичъ, — танцевали только въ одну сторону, а въ другую никакъ не выходило. Медвѣжатами прыгали они по залу, то-и-дѣло вытираясь кѣтчатыми носовыми платками и притомъ съ такимъ рвенiemъ и такъ крѣпко, словно бы и въ самомъ дѣлѣ грѣла ихъ шкура.

Карауловъ — въ чемъ душа, вспоминалось Оль, — ловчѣе всѣхъ носился, пристукивая каблукомъ, и такъ живо дѣлалъ круги, что и всякая блѣдность пропала.

Больше всего танцевалъ Карауловъ съ Олей.

Натацновались, затѣяли игры.

Играли въ цензуру. Игра заключается въ томъ, что по выбору счетомъ двое выходило изъ круга: одинъ садился на «цензуру», а другой собираль о немъ мнѣнія и затѣмъ вслухъ передавалъ ему, и, чье мнѣніе кажется самымъ замѣчательнымъ, тотъ долженъ выйти изъ круга и самъ сѣсть на цензуру.

Оля сидѣла на цензурѣ, а Лена собирала мнѣнія.

И, обойдя кругъ, Лена принялась громко рассказывать Оль всякия о ней мнѣнія и смѣшныя, и нѣжныя, и совсѣмъ ни къ чему не относящіяся, и никакое не тронуло Олю и лишь одно и притомъ совсѣмъ непохожее, стишокъ — «Ольга красавица по улицѣ таскается...» и еще что-то въ такомъ же родѣ.

— Чье это мнѣніе? — спросила Оля.

Въ кругѣ никто не пошевельнулся, словно и мнѣнія такого не было, и не было кому выходить.

— Кто же это сочинилъ?

Оглядывая кругъ, посмотрѣла Оля и на отца, и

показалось ей, что сидитъ онъ тамъ у камина, нахмурился.

— Ну, кто же, кто?

И вотъ какъ-то робко и такой блѣдный—въ чёмъ душа, вспомнилось Олѣ — выступилъ Караполовъ. Онъ долженъ былъ подойти къ Олѣ, но не сдѣлалъ и шагу, какъ съ кресла отъ часовъ поднялся Александръ Павловичъ.

И почему-то стало такъ тихо,—тамъ въ саду кузнечики стрекотали, слышно.

Караполовъ повернулся и, сгорбившись, быстро пошелъ изъ залы.

И съ того вечера онъ больше не появлялся у Ильменевыхъ въ домѣ.

4

Изъ Лубенцовъ пріѣхалъ сынъ Ксаверія Матвѣевича студентъ Лампадъ приглашать Олю и подругъ ея, гимназистокъ, въ Лубенецкій лѣсь на кашу. Лубенцы ближе ближняго, на полпути между Ватагинымъ и Меженинкой.

Лампадъ очень просилъ Наталью Ивановну, а гимназистки увѣряли, что на кашѣ будетъ и Ксаверій Матвѣевичъ и Александрія Кенсориновна непремѣнно. И Олю съ подругами отпустили, но чтобы вернуться не поздно и съ лошадьми поосторожнѣе.

Много было веселаго въ дорогѣ, а еще веселѣе въ лѣсу на кашѣ.

Само собой, ни Ксаверія Матвѣевича, ни Александрія Кенсориновны не было, а былъ докторъ Перепелка Андрей Федоровичъ, самъ Лампадъ да сестра его Асклипіодота. Читали стихи, Андрей Федоровичъ разсказывалъ чудесныя исторіи изъ своей студенческой жизни, въ подлинности которыхъ Оля

ничуть не сомневалась, и всему вѣрила. Лампадъ показывалъ удивительные фокусы.

И совсѣмъ незамѣтно прошелъ вечеръ, кашу сѣли и погасъ костеръ.

Ну, простились, ну, и поѣхали — Оля, Катя и Лida, ну, и вернулись. И какое ужъ тамъ поздно, о такомъ позднемъ часѣ и въ голову не приходило,— ужъ солнце поднялось куда выше бѣлыхъ ильменевскихъ башенъ, и Олинъ аистъ полетѣлъ себѣ за коромъ.

А за то крѣпко какъ заснули!

Но прошла пора, и забота смѣнила сонъ.

Рѣшили такъ: пускай первая идетъ къ чаю Лida — Лida Протасова итише Кати и довѣрія ей больше — что-нибудь такое скажетъ: объяснить.

Конечно, Наталья Ивановна была очень недовольна: такъ поздно вернуться!

— Лошади не поспѣли, — вся покраснѣла Лida, — Ксаверій Матвѣевичъ и Александрія Кенсориновна очень извиняются...

Туть вошла въ столовую Оля, а за Олей Катя.

И въ разговорахъ Наталья Ивановна понемногу успокоилась.

А разговоръ только и былъ, что о лубенецкой кашѣ, какъ весело было въ лѣсу, какъ самъ Ксаверій Матвѣевичъ въ лѣсъ съ нимиѣздилъ и Александрія Кенсориновна, и костеръ разложили, и какъ Ксаверій Матвѣевичъ пѣль у костра и разсказывалъ очень смѣшное.

— Изъ священной исторіи! — прибавила озорная Катя и сама же расхохоталась.

И за ней всѣ стали смѣяться, но совсѣмъ нетому, что разсмѣшило Катю: ни Ксаверій Матвѣевичъ, поющій у костра, — если бы вы только видѣли, что такое этотъ Ксаверій Матвѣевичъ и не поющій! — ни священная исторія, замѣнившая Лампадовы фокусы и Перепелкины исторіи, нѣтъ, не это, — день хороший и еще хорошо было, что все такъ благопо-

лучно кончилось, и Наталья Ивановна совсѣмъ пересердилась, а сама улыбается Олѣ.

«Мамочка, ты пойми, мамочка, какъ намъ было весело!» — отвѣтала ей Оля своей ясной улыбкой.

Послѣ дневной жары, отъ которой только и можно спасаться, что въ комнатахъ за ставнями, чуть только повѣяль вечеръ, выбѣжала въ садъ Оля, а за ней Ліда и Катя. Качались на качеляхъ, накачались и гулять. Ходили на мельницу, когда-то запретное мѣсто, и дальше въ поле. Набрали цвѣтовъ вотъ такіе букеты, — если Оля за что принималась, выходило всегда съ избыткомъ.

Онѣ шли со цвѣтами, сами, какъ въ полѣ цвѣты несъянные.

По небеснымъ полямъ выходили звѣзды лѣтнія и такія теплныя.

«Благословеніе мое на васъ!» — вѣяло въ волѣ.

Отъ церкви онѣ поспѣшили: не опоздать бы къ ужину!

Добѣжали до дому, смотрѣть, а на дворѣ а по-столы — такъ Ксаверій Матвѣевичъ называлъ воловъ, на которыхъ разѣзжалъ по сосѣдямъ. Стало быть Ксаверій Матвѣевичъ! Сердце такъ и упало: какъ же теперь съ кашей-то, на которой стариkъ и пѣль у костра и разсказывалъ смѣшное... изъ священной исторіи?

Роняя цвѣты, вошли онѣ въ домъ.

Въ столовой за самоваромъ сидѣлъ Ксаверій Матвѣевичъ и, благодушествуя, оканчивалъ свой всегдашній и непремѣнныій разсказъ, какъ въ молодости, выѣхавъ однажды на первый день Пасхи съ визитами, онъ загрузъ на площади, передъ женской гимназіей, и какъ его вытаскивали.

И, какъ всегда, Александрія Кенсориновна, слушая съ неизмѣннымъ вниманіемъ, какъ новое, ужасное происшествіе, сочувственно кивала.

— Да такъ и бросили! — разсказчикъ привычно махнулъ рукой, тѣмъ и заканчивался разсказъ.

— Ну, а какъ было на кашѣ, Ксаверій Матвѣевичъ? — спросила Наталья Ивановна.

— Куда намъ съ молодежью! Намъ, старикамъ, и безъ каши, всего пріятнѣе дома посидѣть.

На слѣдующій день Ліда Протасова уѣхала къ себѣ въ Протасовку.

А вскорѣ послѣ этой каши лубенецкой Наталья Ивановна собралась въ Меженинку.

Оля ни за что не захотѣла. И какъ ни уговаривали, поставила на своеемъ, — сущій Василій Ильменевъ! Иначе она и не могла сдѣлать: вѣдь, если бы она уѣхала, пришлось бы и Катѣ уѣхать изъ Ватагина, а Катя влюбилась въ кадета Костю и готова была хоть все лѣто гостить у Ильменевыхъ.

Оля не знала, какія такія причины, и почему Катя считалась отверженной среди гимназистокъ ея круга. Олѣ говорили, что она ей не ровня, и одно время даже въ домѣ къ ней не пускали Олю. А эта-то отверженность и привязала ее къ Катѣ, безолаберной, какъ сама себя называла Катя.

Остаться дома ради Кати, не ѿхать со всѣми къ любимой бабушкѣ въ Меженинку — Олѣ стоило многоаго.

И вотъ, когда ильменевскій трундулетъ съ Натальей Ивановной, Ириной, Леной и Мишой скрылся за осокорями и стало такъ пусто въ домѣ, такъ пустынно, Оля и Катя пошли на сѣноваль, сѣли ря-душкомъ и проплакали день до вечера.

На именины самого Борового, отца Лены, у Боровыхъ единственный разъ въ году справлялось большое торжество — шель пиръ на все Ватагино.

Александъ Павловичъ, избѣгавшій всяkie вѣчера и именины, пошелъ къ Боровымъ только для Оли.

— Знаешь, кто тебя хочет видеть? — шепнула Лена.

— Кто?

— Карауловъ.

— Карауловъ? — Оля за недѣлю ни разу и не вспомнила про студента.

— Хочеть извиниться. Онъ и самъ бы сюда пришелъ, да боится. Онъ у Перовыхъ.

И Лена увела Олю отъ гостей съ балкона. И черезъ калитку изъ ихъ сада прошли онъ въ садъ Перовыхъ.

Въ саду уже ждалъ Карауловъ, очень волновался.

— Просто по какому-то мальчишеству произошло тогда... это мое стихотвореніе.

— Я то ничего, — Олѣ и самой стало неловко, она, вѣдь, ни въ чемъ его не винила, — вотъ только какъ папа: папа тогда очень на васъ обидѣлся за меня.

Карауловъ былъ счастливъ: Оля его не винить, а въ этомъ и все. Лена отвела его въ сторонку и что-то говорила ему, а онъ только покорно слушалъ.

И онъ пошли изъ сада.

— Знаешь, Оля, Карауловъ живетъ у Стрѣшневыхъ. Мнѣ Вѣра разсказывала, всю онъ недѣлю проплакалъ.

На слѣдующій день Карауловъ пришелъ къ Ильменевымъ и долго сидѣлъ у Александра Павловича. А когда Наталья Ивановна вернулась изъ Меженинки, Мишѣ снова пришлось взяться за книги, — Карауловъ опять сталъ бывать въ домѣ.

Въ домѣ у Ильменевыхъ заведенъ былъ такой порядокъ, чтобы чай разливали поочереди: одинъ день Ирина, другой день Оля, третій день Лена.

Оля никогда не разливала. За Олю разливалъ чай Карауловъ и исполнялъ всѣ обязанности хозяйки необыкновенно предупредительно, обращаясь съ чашками съ той же нѣжностью, какъ съ своими бѣленькими мышками.

О жизни Караулова мало чего знали, да какъ-то и не приходило въ голову разузнавать, одно было известно, что матери у него нѣть, а мачеха.

— Мачеха у васъ молодая? — спросила какъ-то Наталья Ивановна.

— Была когда-то молодая, — отвѣтилъ Карауловъ.

Такъ, въ такомъ вотъ родѣ обыкновенно отвѣчаль онъ, но у него былъ другой голосъ и слова другія, когда говорилъ онъ съ Олей. А сѣрые глаза его темнѣли. И Олѣ всегда казалось, когда онъ говорилъ съ ней, будто у него гдѣ-то болѣно дѣлается.

Олю тяготило разливаніе чая, Карауловъ за нее разливалъ чай. Оля любила получать письма, а письма обыкновенно подолгу заваливались на почтѣ, и вотъ Карауловъ чуть свѣтъ пѣшкомъ шелъ въ городъ на почту и, какъ встать Олѣ, былъ уже дома, и письма Оля получала во время.

Отъ Стрѣшневыхъ, гдѣ снималъ Карауловъ комната, перебрался онъ къ Ильменевымъ и поселился въ саду, въ будкѣ. По утрамъ онъ занимался съ Мишней, днемъ съ книгой уходилъ въ поле, вечеромъ былъ со всѣми а, послѣ вечерняго чая шелъ къ себѣ, въ будку.

Нерѣдко устраивались вечера, появлялись близнецы Луничевы Петръ и Павелъ, и, конечно, приходила Вѣра Стрѣшнева и, конечно, Лена Боровая, и ея братъ кадетъ Костя, — танцы, смѣшные анекдоты, пѣсни и игры.

Очень весело проходило время.

И душой всякихъ затѣй и развлечений былъ Карауловъ.

И больше всего старался Карауловъ угодить Олѣ.

А какія дѣлалъ онъ ей изъ коры занятныя лодочки!

Не на людяхъ, а оставаясь вдвоемъ, Карауловъ рассказывалъ Олѣ о себѣ, о своихъ занятіяхъ, объ университетѣ, о лекціяхъ, о профессорахъ и о сво-

ихъ товарищахъ-однокурсникахъ. Онъ перешелъ на второй курсъ и за первый свой учебный годъ, желая постигнуть всю премудрость, перемѣнилъ немало всякихъ специальностей: началъ съ ботаники и прилежно занимался систематикой растеній у Горожанкина, потомъ бросилъ систематику и съ головой погрузился въ ракообразныхъ и паукообразныхъ у Зографа, одолѣлъ такую вотъ книжицу, пошелъ къ Столѣтову, завязъ въ физическихъ формулахъ и теперь рѣшаетъ — остановиться ли ему на птицахъ у Мензбира или перейти на юридической факультетъ и изучать исторію философіи права у Новгородцева.

— Я въ Бога не вѣрю,—сказалъ онъ какъ-то Олѣ.

И очень удивилъ ее: она никакъ не могла и представить себѣ, что можно и притомъ совсѣмъ легко говорить такое.

— Я въ Бога не вѣрю, — повторялъ Караполовъ всякий разъ, когда начинался излюбленный пытливый разговоръ Олинъ.

И когда на молитвѣ, молясь за отца и за мать, за брата, за сестеръ, за любимую бабушку, Оля вспоминала эти слова его, она и за него молилась, чтобы студентъ Караполовъ вѣрилъ въ Бога.

6

На Ильинъ день проводили Катю Рогачеву. Съ кадетомъ Костей она разсталась беззаботно, и слезинки не кануло съ ея шаловливыхъ глазъ: весной, во время экзаменовъ, она влюбилась въ восьмиклассника Пономарькова, теперь съ нимъ предстояло свиданіе, и это свиданіе тревожило ея чувства.

Караполовъ послѣ какого-то мудренаго біологического разговора, показывая Олѣ своихъ бѣленыхъ мышекъ, попросилъ у Оли подарить ему свою карточку. Оля пообѣщала, но съ условиемъ, что и

онъ свою дастъ. Да само собой, онъ все для нея исполнить и готовъ все сдѣлать и, какъ только пріѣдетъ въ Москву, снимется и сейчасъ же вышлеть. И разъ десять повторилъ онъ это. А когда Оля дала ему свою карточку, счастью его конца не было, и цѣлый вечеръ онъ пѣлъ и ночь пѣлъ у себя въ будкѣ.

— Студентъ-учитель совсѣмъ ума рѣшился, — говорилъ въ людской щедоть, — зайдешь ночью въ ихъ будку понавѣдаться, не спить, а какъ птица по саду ходить, и такія чудеса: «Хочешь, говорить, щедоть Прохоровичъ, я вамъ глазъ вставлю утіній!» Чудеса.

И вправду, получивъ Олину карточку, Караповъ дня три ходилъ, какъ птица, и ночами не спать, должно быть.

Вечеромъ за чаемъ, и не притронувшись къ своему стакану, вдругъ отчего-то заторопился и только просилъ Олю выдать ему на ночь книгу — ключъ отъ библіотеки хранился у Оли. А когда Оля вышла съ нимъ изъ столовой, онъ подалъ ей письмо и, не дожидаясь книги, ушелъ.

Да ему и не надо никакой книги!

Письмо было очень длинное: меленькими буквами, старательно, о его чувствахъ — о любви его къ Олѣ, и предположенія, и обѣщанія, и увѣренія, ну, объяснительное, любовное, и какъ онъ женится на Олѣ и какъ они жить будуть вмѣстѣ. А въ заключеніе просилъ онъ Олю, чтобы не забывала его, пока онъ университетъ кончить.

«А когда я кончу, дастъ Богъ, рѣшился наша судьба».

Кому же не пріятно любовное письмо!

Оля очень была довольна.

Въ пятомъ классѣ въ первый разъ Оля узнала, что въ нее влюбляются гимназисты. И на балахъ, когда подходила третья кадриль — третья кадриль особенная, означаетъ любовь — Оля просто не знала, кого и выбирать: такъ много бывало приглаше-

ній. Кромъ того, ей рассказывалъ Миша, чья она симпатія, какъ выражались гимназисты и гимназистки, — Миша въ карцерѣ свой человѣкъ, а гдѣ же, какъ не въ карцерѣ, душа нараспашку! Были и такие гимназисты, куда бы она ни шла — въ гимназію и изъ гимназіи, и въ церкви, а непремѣнно встрѣтятся и, конечно, не случайно.

Въ седьмомъ классѣ — первое признаніе. Семиклассникъ Дагестанскій, по прозвищу Бычокъ, подарилъ Олью свою карточку и съ такой надписью: «отъ л..... Леонида Дагестанскаго». А когда Оля взяла отъ него карточку, онъ поцѣловалъ ей руку.

Такихъ карточекъ съ семью точками собралось у Оли къ восьмому классу цѣлый уголокъ шкатулки, гдѣ хранила она свои драгоцѣнности.

Кому же не пріятно любовное признаніе! Оля очень была довольна.

Но сама она никому еще не написала на своей карточкѣ.

На другой день Карауловъ опять за вечернимъ чаємъ, опять будто за книгой, когда Оля вышла съ нимъ изъ столовой, подала ей письмо, а самъ ушелъ.

Письмо оказалось всего нѣсколько строчекъ, но такъ же меленѣкими буквами, старательно: онъ просилъ Олю притти завтра, въ четыре часа утра, на сѣнокосъ поговорить съ нимъ.

Оля знала отъ Кати, что сѣнокосъ — мѣсто ватагинскихъ свиданій, куда ходила и Катя и кадетъ Костя, но сама она и не подумала: еще бы, и такую рань, — Оля любила понѣжиться, поваляться въ постели, а тутъ, изволь, въ четыре часа!

Было и еще нѣсколько писемъ такихъ же — одна просьба: поговорить на сѣнокосѣ.

— А что я узнала о Карауловѣ! — сказала Лена.

— Что такое?

— Да ты и представить себѣ не можешь: онъ очень боленъ. Мнѣ Костя рассказывалъ, какіе у не-

го бывають припадки, и особенно когда много волнуется.

Оля и Лена шли по саду изъ церкви. Осеннее первое утро смѣнялъ красный воскресный денекъ. Караполовъ позже, чѣмъ въ будни, отправился на почту и еще не возвращался. Лена со словъ Кости рассказывала Олѣ, какіе это у Караполова припадки, какъ онъ весь корчится и пѣна изо рта, и такъ страшно бываетъ.

Оля слушала съ большимъ вниманіемъ. Вотъ чего она никакъ не подумала бы.

— А отчего это бываетъ?

Но Лена не успѣла отвѣтить, какъ сзади, за спиною раздался крикъ, и обѣ шарахнулись другъ отъ друга: Караполовъ бился на дорожкѣ, и было такъ страшно смотрѣть.

Оля подумала, что онъ умираетъ, и скорѣе побѣжала въ домъ позвать кого-нибудь.

И съ этого дня Оля стала къ нему особенно внимательна: къ больнымъ Оля всегда относилась особенно.

А Караполовъ скоро оправился, только былъ очень грустенъ, и когда говорилъ съ Олей, сѣрые глаза его еще больше темнѣли, а ей больше, чѣмъ всегда, казалось, будто у него гдѣ-то болѣно дѣлается. Онъ не могъ не замѣтить перемѣны — Оля была такъ внимательна! — и опять повеселѣлъ.

Къ концу подходило лѣто, пора было кончать занятія съ Мишѣй, Караполовуѣхать въ Москву въ университетъ, Олѣ — въ гимназію.

Въ одинъ изъ прощальныхъ вечеровъ, играя въ секторѣ, Оля получила записку — меленькими буквами, старательно: Караполовъ спрашивалъ, что Олѣ въ немъ больше всего нравится?

Оля хотѣла отвѣтить по правдѣ, что она чувствуетъ — какъ ее трогало, что онъ боленъ, а къ

больнымъ она всегда относилась особенно, но такъ не отвѣтила, раздумала, и написала:

«брови, глаза и рѣсницы».

А и дѣйствительно, что у него было прекрасно, это брови, глаза и рѣсницы.

Передъ отъѣздомъ послѣ вечерняго чая, Карапуловъ простился и пошелъ къ себѣ. За нимъ на крыльце вышла Оля и Лена.

Осенняя ночь, — сколько звѣздъ!

Звѣзды-звѣздочки-звѣздные пути — на всѣ стороны.

Звѣздная ночь летѣла неспокойная.

Ѳедотъ, гремя ключами, съ фонаремъ прошелъ по двору къ амбарамъ. По огоньку черная пробѣжала собака за Ѣедотомъ. Изъ сада пахнуло холодомъ.

И звѣзда упала въ ночь.

— Я васъ такъ люблю! — совсѣмъ тихо сказалъ Карапуловъ и подѣловалъ Олѣ руку.

7

На Успенье, какъ обѣщалась, прїѣхала въ Ватагино тетка Людмила Павловна. Она помѣстилась въ одной изъ башенъ стариннаго ильменевскаго дома, гдѣ прошли ея молодые незабвенные годы. И съ жизнью памятью ея о прошломъ въ домѣ ожила ильменевская старина: вѣдь, Александръ Павловичъ въ ея глазахъ все по прежнему младшій братецъ Саша, а былъ еще братецъ Вася и Коля, самый любимый.

«Неопѣненный братецъ и другъ мой Николай Павловичъ!» — такъ когда-то всегда начинала она всегда длинное свое письмо къ нему въ Санктъ-Петербургъ, а въ концѣ послѣ всѣхъ пожеланій душевной радости, здоровья и лучшаго на свѣтѣ счастья, — «желала бъ я и душу переслать, но не

въ силахъ, и я была бы довольна и тѣмъ, когда бы кто-нибудь передалъ мои мысли къ Вамъ, а я уже не въ силахъ».

Раскрывая фортепіано, Людмила Павловна вспоминала горесть своихъ дѣвичьихъ дней.

— И если тѣснить мою душу, — говорила она, сажусь сейчасъ играть и почувствуя облегченіе, когда сойдутъ слезы.

Оля очень любила разспрашивать тетку, какъ было у нихъ прежде, какой былъ папа, когда былъ маленький, о дѣдушкѣ и бабушкѣ. И теперь, въ этотъ теткинъ пріѣздъ, задержалась для нея еще на день.

И прошелъ этотъ день тихій въ разговорахъ и воспоминаніяхъ.

Съ утра слѣдующаго дня Оля стала собираться въ дорогу, и къ вечеру все было готово.

Пришла Вѣра Стрѣшнева и Лена Боровая. По обычаю всѣ сошлись въ залъ, присѣли, помолчали, потомъ разомъ всѣ поднялись. Оля подошла за Натальей Ивановной и Александромъ Павловичемъ къ чудотворному образу Ильменевской Божьей Матери. Помолились. И стали прощаться.

Нянѣка Фатевна, вернувшаяся совсѣмъ недавно изъ дальняго богомолья, спрыснула Олю — матушкой генесаретской водой.

Еще разъ простились, — еще разъ со всѣми крѣпко поцѣловалась Оля.

Наталья Ивановна заплакала.

— Мамочка, родная моя мамочка! — и долго цѣловала ее Оля.

А слезъ никакъ не унять.

— Къ бабушкѣ заѣзжай непремѣнно! — сквозь слезы сказала она и пошла за Олей.

И всѣ пошли.

А Оля, раскраснѣвшаяся, улыбалась своей ясной улыбкой, еще и еще разъ по дорогѣ цѣлуюсь, и въ людской и на крыльцѣ еще разъ прощаюсь, и въ послѣдній разъ, ужъ совсѣмъ какъ садиться.

Александръ Павловичъ провожалъ Олю до мельницы, перекрестьлъ своего котика, какъ называлъ онъ Олю ласково, на облучекъ къ Григорію подсѣль Федотъ, и поѣхали.

И до самыхъ Лубенцевъ, до самаго Ксаверія Матв'євича ѿхалъ съ Олей Федотъ.

Рассказывалъ Федотъ, какъ когда-то — давно это было — онъ такъ же вотъ съ Александромъ Павловичемъ и съ покойнымъ Василемъ Павловичемъ въ гимназію ѿзидиль, и какой былъ Александръ Павловичъ и Василій Павловичъ и какъ тогда было вольготно.

— Эхъ, человѣкъ! — прибавлялъ одноглазый ключникъ, не говоря ужъ, а припѣвая.

Отъ гимназіи перешель Федотъ къ болѣе позднимъ временамъ — къ молодымъ офицерамъ Ильменевымъ. Военные разсказы его были такъ занимательны, что даже кучерь Григорій, съ павлиньимъ перомъ, въ своей плисовой безрукавкѣ поверхъ красной маковой рубахи, самъ бывалый, лихо посвистывалъ не столько лошадямъ, сколько отъ удовольствія.

— Эхъ, человѣкъ!

Въ Меженинку пріѣхала Оля во-время, еще спать не укладывались, не спѣша собирали на столъ ужинать. И, какъ всегда, пріѣздъ Олинъ поднялъ переполохъ.

А какое счастье, — конца ему не было! И бабушка и тетушка и Анна Павловна отъ радости съ ногъ сбились. Конечно, нечего было и думать уѣзжать ни завтра, ни послѣ завтра.

И Оля нѣсколько дней прожила у любимой бабушки.

*

Тихо въ Меженинкѣ благопріятно.

Неторопливая, какъ много лѣтъ, круглый годъ шла жизнь день ото дня не спѣша. Осень вызывала

разговоры о зимѣ. И тетушка Евгенія Алексѣевна съ замазкой возилась въ томъ углу справа отъ кіота, гдѣ любила сидѣть вечерами за пасъянсомъ, тетушка загодя вставляла раму.

Запасовъ на зиму сдѣлано было не мало.

Повела бабушка Олю въ кладовую... Какое варенье! И сколько банокъ и баночекъ, на которыхъ бабушкиной рукой перомъ выведена была надпись:

Олина малина.

Олюшкина любимая малина.

Олина земляника.

Олюшкина любимая земляника.

Олинъ персикъ.

Олюшкина бѣлая вишня.

Барбарисъ безъ косточекъ Олинъ.

— Червь яблоко поѣлъ поѣдучій, — сътвала бабушка, — нѣть сей годъ яблока ни нашего, ни китайскаго. А у тетушки еще вонъ лѣтошняго цѣлый верхъ!

Но тетушка Евгенія Алексѣевна никому своего варенья не дастъ и не проси, и Оль, къ огорченію бабушки, не достанется нынче любимаго ея варенья — Олина яблочнаго.

Изъ кладовой повела бабушка Олю въ маленькую кладовую, гдѣ стояли всякия соленья и очень хорошо пахло. И тамъ подарила ей бутылку одеколону собственнаго приготовленія и тутъ же растолковала, какъ одеколонъ дѣлается, открывъ секретъ только для Оли.

Оля памятливая, ей и записывать не надо, она и такъ все запомнить, и сама бабушкѣ не бутылку, а ведро одеколону приготовить.

Неторопливо, какъ все, что дѣлалось и говорилось въ Меженинкѣ, перечислила бабушка составъ, сколько и чего надо взять, сколько спирту виннаго, совершенно очищенаго отъ сивушнаго запаха и

сколько масла: бергамотного, лимонного, размарин-
наго, левандового и померанцевыхъ цвѣтовъ.

— И все это положить въ спиртъ въ бутыль, взболтнуть хорошенько, и одеколонъ готовъ. Онъ будеть мутенъ, но въ нѣсколько дней отстоится и, когда будетъ совершенно свѣтель, то слить осторожно; а подовки перепустить сквозь бумагу. Одеколонъ готовый, слитый въ бутылки, завязать пузыремъ. Чѣмъ долѣе будеть стоять, тѣмъ будеть совер-
шеннѣе.

За вечернимъ чаемъ вспомнили старое, какъ бы-
ла бабушка молодая, тетушка молодая, Анна Пав-
ловна молодая. Первая бабушка, за бабушкой те-
тушка, за тетушкой Анна Павловна.

Анна Павловна не упустила случая и рассказа-
ла, какъ генераль Ольховскій дѣлалъ ей предложе-
ніе, а она отказалася. Оля не могла удержаться, за-
спорила. И, какъ всегда, разсердила бабушку.

Ну, а потомъ все помирилось.

Ахъ, какъ жаль,
Что камаль
Вышелъ ужъ изъ моды.
Скоро шаль
И вуаль
Спрячутся въ комоды...

— напѣвала Анна Павловна, несчастная во всѣхъ
отношеніяхъ.

Оля разспрашивала бабушку, какъ было прежде,
какая была мама, когда была маленькая, про Ко-
строму.

Бабушка не сразу отвѣчала.

— Погоди! — такъ всегда начинаетъ бабушка и
смотрить такими добрыми и ясными глазами, —
это было въ домѣ у Рязановскихъ, нѣть не у Ря-
зановскихъ, Рязановскій жилъ на Царевской, а
нашъ домъ на Русиной... — и медленно добирается

до самаго главнаго, до старины — своей молодости, когда совершались въ мірѣ событія.

— Въ старину было лучше, — говорить бабушка, и тетушка, и Анна Павловна.

А неужели и въ самомъ дѣлѣ бабушка была молдая, тетушка молодая и Анна Павловна молодая!

Ахъ, какъ жаль,
Что камаль
Вышелъ ужъ изъ моды.
Скоро шаль
И вуаль
Спрячутся въ комоды...

*

Тихо въ Меженинкѣ, благопріятно.

Пожила бы Оля и еще — посмотрите, какой золотой садъ, какія астры, а какія ночи! — да нельзя: пора, пора Олѣ въ гимназію.

— Какъ бывало, уѣзжать мнѣ изъ Ватагина, — поминала бабушка, провожая Олю, — такой ты крикъ на весь домъ подымешь, и, бывало, не унять ничѣмъ, и я, бывало, въ ручку тебѣ серебра для забавы, передамъ тебѣ, ужъ и не знаю сколько, а ты все плачешь, не отпускаешь. Только обманомъ и уѣзжала. А вотъ нынче я слезами плачу.

Бабушкина тяжелая наточанка, къ развлеченію меженинскихъ куръ и индюшекъ, долго стояла у крыльца и застоялась, куры и индюшки успѣли привыкнуть и по-прежнему ходили безъ вниманія, а бабушкинъ Кононъ порядкомъ всхрапнулъ, покачато Олю нарядили въ дорогу, съ Олюшкой простились и еще разъ, и еще разъ, и еще разъ, какъ тамъ дома.

— На Рождество, бабушка! — все обертывалась Оля, улыбаясь своей ясной улыбкой, пока тяжелая наточанка, завернувъ за церковь, не пропала изъ глазъ.

А онъ три стояли на широкомъ крыльцѣ: одна всѣхъ выше и дороднѣе — бабушка, другая — одна кость, вскинувъ темные, когда-то прекрасные, теперь грозные большие глаза, — тетушка, и третья, самая маленькая и несчастная, — Анна Павловна.

«А какъ ты выѣхала, другъ мой, Олюшка, — писала бабушка Ольѣ въ гимназію, — я, какъ сумасшедшая сдѣлалась, плакала, томилась душой о тебѣ и беспокоилась. По гробъ мой бабушка твоя, Татьяна Алексѣевна».

8

Изъ Москвы отъ Караулова часто получились письма и все длинныя, какъ то, первое, меленькими буквами, старательно.

Онъ описывалъ Ольѣ всѣ свои надежды и разочарованія — всю жизнь свою: онъ перемѣнилъ исторію философіи права на финансовое, а финансовое право на химію, Янжула на Сабанѣева, онъ пройдетъ неорганическую и органическую и тогда будеть слушать Ключевскаго. И каждое письмо его проникнуто было его неизмѣнной любовью и мечтой о томъ будущемъ счастливомъ, которое рѣшилъ Оля. Получилась и его карточка —

«въ память жаркаго лѣта».

Оля написала ему раза два и очень кратко.

Писать письма вообще она не любила, а кромѣ того, съ каждымъ письмомъ Караулова, и чѣмъ оно было нѣжнѣе, тѣмъ рѣзче подымалось въ ея душѣ такое чувство — тягота отъ его какого-то права на нее такъ ей писать и на что-то надѣяться и ждать отъ нея чего-то, и тягота эта переходила въ раздраженіе — ненависть къ нему.

Какими счастливыми считала она подругъ своихъ, которымъ, какъ она думала, никто такъ не пишетъ и не имѣеть этого права, которыхъ однѣ и со-

всѣмъ свободныя. И одно было желаніе: что угодно, все, что угодно, она сдѣлаетъ, лишь бы избавиться отъ него и отъ его какого-то права.

И по мѣрѣ того, какъ тягота переходила въ раздраженіе, въ ненависть, ее охватывало и отвращеніе къ нему.

Какая счастливая она была до всѣхъ этихъ писемъ! Какая счастливая будетъ она, когда освободится отъ него!

И вотъ она рѣшила, во что бы то ни стало, увидеться съ Караполовымъ и взять у него свои письма и карточку. И тѣмъ все кончить.

Такъ все и кончится.

Правда, не очень скоро, а представился случай.

На Рождественскія каникулы студенты обыкновенно съѣзжаются куда до Рождества. Въ самомъ началѣ декабря пріѣхалъ и Караполовъ.

Восьмой классъ Оля жила у Зубаревыхъ. Александра Тимоѳеевна Зубарева, жена доктора, пріятельница Наталы Ивановны. Въ домѣ за Олей ухаживали, и жить ей было свободно: къ ней относились, какъ къ взрослой, — восьмиклассница!

Узнавъ, что пріѣхалъ Караполовъ, Оля написала ему, чтобы онъ пришелъ къ ней въ воскресенье. А какъ разъ на воскресенье, неожиданно для нея, взяты были билеты въ театръ на оперу.

Послѣ обѣда Оля съ Александрой Тимоѳеевной вышли погулять и гуляли довольно долго, а когда вернулись, сидѣть Караполовъ.

Караполовъ ждалъ Олю.

Оля съ морозу, какъ морозка, была морозная и въ красной кофточкѣ. Какъ онъ ей обрадовался, онъ сталъ, было, разспрашивать, что она думаетъ, какъ живеть.

Александра Тимоѳеевна торопила Олю: Олѣ надо еще переодѣться.

И когда Оля была готова — она не успѣла сказать съ нимъ и двухъ словъ — втроемъ они вышли на улицу.

Улучив минуту, Оля сказала ему, что думала все время и зачёмъ вызвала его: онъ ей долженъ отдать ея письма и карточку.

— Неужели вамъ надо? — Карауловъ остановился.

— Скорѣе давайте! Скорѣе! — торопила Оля.

Онъ разстегнулъ шинель, полѣзъ за воротъ, вытащилъ оттуда конвертъ и подалъ Олѣ.

Александра Тимоѳеевна наняла извозчика и звала Олю: очень беспокоилась, не опоздать бы. Оля поспѣшила къ ней. А когда оглянулась, его ужъ не было.

Но обѣ этомъ Оля и не вспомнила. Оля любила музыку и была очень довольна оперой, она готова была хоть каждый день слушать.

И на понедѣльникъ Зубаревы достали билеты, и въ понедѣльникъ Оля съ Александрой Тимоѳеевной опять пошли въ театръ на оперу.

Послѣ театра за чаемъ докторъ, мужъ Александры Тимоѳеевны, рассказывалъ всякія городскія новости и, между прочимъ, замѣтилъ:

— Какой случай! Сегодня привезли къ намъ въ больницу, повѣсился студентъ... Карауловъ. Покупалъ револьверъ, не продали, въ гостинницѣ ночью повѣсился.

— Карауловъ? Что-то знакомое! — сказала Александра Тимоѳеевна.

Но Оля молчала, Оля не хотѣла показать, а тамъ — — холодное что-то ползло...

И всю ночь она проходила по комнатѣ и дрожала.

Припомнила все — первый веселый вечеръ, «цензуру», все лѣто. «Неужели вамъ надо?» — повторилось и повторилось съ такимъ сильнымъ его ударениемъ: «неужели?» Но, вѣдь, она не успѣла его спросить, она ничего не знаетъ, и, можетъ быть, не въ ней тутъ причина, а другое? Она не успѣла его ни о чѣмъ спросить!

И та мысль, что, можетъ быть, причина совсѣмъ не въ ней, а другое, немнога успокоила ее, и подъ утро она заснула.

И ей приснилось, — ей снится, будто могила и большой, такой большой крестъ, и она знаетъ, что это могила Карапурова, — съла она на могилу и слышать, голось оттуда, изъ могилы:

«Охъ, какъ тяжко!»

1909 — 1921 г.

Книги Алексея Ремизова

- ПОСОЛОНЬ. Сказки. Съ рис. Н. Н. Крымова. Изд. Золотое Руно. М. 1907 (Распродано).
- МОРЩИНКА. Сказка. Съ рис. М. В. Добужинского. Изд. Шиповникъ. Спб. 1907 (Распродано).
- ЛИМОНАРЬ. Апокрифы. Изд. Оры. Спб. 1907 (Распродано).
- ПРУДЪ. Романъ. Обл. рис. М. В. Добужинского. Изд. Сиріусъ. Спб. 1908 (Распродано).
- ЧТО ЕСТЬ ТАБАКЪ. Гоносіева повѣсть. Съ рис. К. А. Сомова. Изд. Сиріусъ. Спб. 1908. Въ 25-и им. экз.
- ЧАСЫ. Романъ. Обл. рис. М. В. Добужинского. Изд. Еос. Спб. 1908 (Распродано).
- ЧОРТОВЪ ЛОГЪ. Рассказы. Обл. рис. М. В. Добужинского. Изд. Еос. Спб. 1908 (Распродано).
- РАЗСКАЗЫ. Изд. Прогрессъ. Спб. 1910 (Распродано).
- СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. Въ 8-ми томахъ съ портр. автора, рис. М. В. Сабашниковой. Изд. Шиповникъ-Сиринъ. Спб. 1910—1912 (Распродано).
- ПОДОРОЖИЕ. Рассказы. Изд. Сиринъ. Спб. 1913 (Распродано).
- ДОКУКА И БАЛАГУРЬЕ. Сказка. Изд. Сиринъ. Спб. 1914 (Распродано).
- ЗА СВЯТУЮ РУСЬ. Рассказы. Съ рис. Н. К. Периха. Изд. Отечество. Прг. 1915 (Распродано).
- УКРЪПА. Сказки. Обл. рис. Е. И. Нарбутъ. Изд. Лукоморье. Прг. 1916 (Распродано).
- СРЕДИ МУРЬЯ. Рассказы. Изд. Съверные дни. М. 1917 (Распродано).
- НИКОЛИНЫ ПРИТЧИ. Сказанія. Съ букв. С. В. Чехонина. Скл. изд. Парусъ Прг. 1917 (Распродано).

НИКОЛА МИЛОСТИ ВЫЙ. Николины притчи. Изд. Колось. (Коробейникъ № 10) Прг. — М. 1918 (Распродано).

РУССКИЯ ЖЕНЩИНЫ. Скаака. Изд. Скифы. Пб. 1918 (Распродано).

СТРАНИЦА. Повѣсть. Изд. Революц. Мысль. Пб. 1918 (Распродано).

О СУДЬБѢ ОГНЕННОЙ. Слово. Съ рис. Е. Туровой. Изд. Сегодня. Прг. 1918 (Распродано).

СНѢЖОКЪ. Сказка. Съ рис. Е. Туровой. Изд. Сегодня. Прг. 1918 (Распродано).

СИБИРСКІЙ ПРЯНИКЪ. Сказка. Обл. рис. А. Ремизова. Изд. Алконость. Пб. 1919 (Распродано).

ЭЛЕКТРОНЪ. Отъ словъ Гераклита. Обл. рис. А. Ремизова. Изд. Алконость. Пб. 1919 (Распродано).

БѢСОВСКОЕ ДѢЙСТВО. Представлениe. Обл. рис. А. Ремизова. Изд. ТЕО. Пб. 1919 (Распродано).

ЦАРЬ МАКСИМИЛІАНЪ. Театръ. Обл. рис. Ю. П. Анненкова. Изд. Алконость-Госизд. Пб. 1920 (Распродано).

ЗАВѢТНЫЕ СКАЗЫ. Съ обезьян. грам. А. Ремизова. Изд. Алконость. Пб. 1920 (Распродано).

ЦАРЬ ДОДОНЪ. Сказка. Съ рис. Л. С. Бакста. Изд. Обез. вел. вол. пал. Пб. 1921 (Распродано).

СКАЗКИ. Съ рис. на линол. Илен. Изд. Скифы. Чита. 1921. (Распродано.)

ШУМЫ ГОРОДА. Рассказы. Изд. Библіофиль. Ревель 1921.

ОГНЕННАЯ РОССІЯ. Слово и память. Изд. Библіофиль. Ревель. 1921.